

Иллюстрированная Газета



Томъ XXI (годъ 41-й). 50 номеровъ въ годъ. № 4. Выходитъ по четвергамъ. 25^{го} января 1868 г.

Гг. городскихъ подписчиковъ просить адресоваться съ своими требованіями въ контору «Иллюстрированной Газеты», въ Главное Дено фотографическихъ принадлежностей А. О. Баумана, на Невскомъ просп., д. Голландской церкви, № 20.
Гг. иногородные подписчики адресуютъ свои письма и посылки: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты»
В. Р. Зотоу, Литейная, № 38-й.

Годовая цена съ доставкой въ Петербургъ 7 руб., съ пересылкою во все города 8 руб., на полгода 5 руб.
Отдѣльные номера газеты продаются по 20 коп.

СОДЕРЖАНИЕ. Внутреннее обозрѣніе — Политика — Городъ Грюецъ. — Русская усадьба на парижской выставкѣ. — Дочь и маменька. — Францъ Іосифъ въ Елагинскомъ дворцѣ. — Художникъ Вагнеръ. — Бременская желѣзная дорога. — Тошнота черезъ гору Иезъ. — Славяны въ Бреслау. — Товары вѣрской желѣзной дорогѣ. — Берга Шварцель. — Товары

въ этнографическомъ карнавалѣ, на парижской выставкѣ. — Соросновки. — Сочь. — Орудья. — Спасительный пожарный аппаратъ. — Патентованный учебный фонарь Минера. — Иезуитскій свѣтъ. — Воздушный шаръ на выставкѣ. — Петербургскія письма. — Испрошеніе. — Объявленія. — Шахматы. — Отвѣты редакціи.

РИСУНКИ. Городъ Грюецъ. — Русская усадьба на парижской выставкѣ. — Францъ Давидъ Штраусъ. — Францъ Іосифъ въ Елагинскомъ дворцѣ. — Иоганна Яхмовъ Вагнеръ. — Бременская желѣзная дорога у Шверина. — Товары въ этнографическомъ карнавалѣ. — Свѣтъ. — Безопасный воздушный шаръ. — Карпатуры.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА“ въ 1868 году.

Въ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ГАЗЕТѢ» ПОМѢЩАЮТСЯ:

Внутреннее обозрѣніе правительственныхъ мѣръ, дѣйствій законодательной и административной власти, важнѣйшихъ явленій гражданской жизни, съ обзоромъ и обсужденіемъ ихъ значенія, отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ. Особлыя извѣстія не помѣщаются цѣлкомъ, а дѣлятся изъ нихъ извлеченіемъ, объясняющимъ ихъ сущность. Только въ особенныхъ случаяхъ приводятся въ подлинникъ эти документы.

Ежедневныя обозоры эти представляютъ полную картину внутренней жизни нашего отечества, сгруппированную, представленную по возможности въ стройной связи, причѣмъ сообщается только то, что важно въ какомъ-нибудь отношеніи, что характеризуетъ событія и описывается въ мѣлкя подробности. Особлыя извѣстія посвящаются частнымъ корреспонденціямъ; сверхъ того, помѣщаются всѣ отдѣльныя, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя, факты нашей гражданской и общественной жизни.

Политика. — Обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ государственныхъ и гражданскихъ событій. Черты положенія разныхъ странъ, явленія народной жизни и международныхъ сношеній

Романы, повѣсти, рассказы, сныи правды, пьесы, стихотворенія, русскіе и переводные; все, что относится къ такъ называемой бѣднотѣ. Портреты замѣчательныхъ лицъ — съ ихъ біографіями, по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Мемуары и историческія сочиненія.

Этнографія, статистика и политическая экономія, путешествія по разнымъ краямъ нашего отечества и вообще всякія свѣдѣнія, относящіяся къ ближайшему ознакомленію съ Россією, во всѣхъ отношеніяхъ. Въ наше время, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала — сама публи-

ка и читатели журнала. Безъ ихъ участія и соображенія о томъ, что дѣлается въ разныхъ краяхъ нашего отечества — журналъ не имѣлъ бы достоянія свѣдѣній и современности. Участіе публики особенно необходимо для «Иллюстрированной Газеты» — въ отношеніи къ рисункамъ, изображающимъ замѣчательнѣйшія виды, памятники и мѣстности Россіи. Безъ доставленія такихъ видовъ сотрудниками, мы будемъ поставлены въ невозможность помѣщать много подобнѣйшихъ рисунковъ; мы можемъ обещать, *непринимая въ расчетъ жадность нашего журнала*, виды русскихъ мѣстностей, городовъ или отдѣльныхъ замѣчательныхъ зданій, портреты русскихъ дѣтвей, сцены изъ нашей домашней и общественной жизни, карикатуры на наши недостатки и странности, однимъ словомъ, что нибудь русское. Вообще, мы можемъ заявить, что журналъ нашъ будетъ преимущественно русскимъ и не станетъ походить своимъ столбцамъ рисунковъ и статьями, не занимательными для русскаго читателя. Мы скорее дадимъ меньше рисунковъ, но чтобъ всѣ они имѣли интересъ. «Иллюстрированная Газета» издание съ рисунками, но не *назначенное для рисунковъ*; иллюстрація въ ней дополняютъ, поясняютъ статьи, а не составляютъ главное, и въ ней большею частью рисунки составляются къ статьямъ, а не статьи подбираются для рисунковъ.



Городъ Грюецъ.

Статьи по отбыву душевных, этнограф., описания нравов и т. п. и в других изданиях, помещаются только тогда, которые могут интересовать русского читателя.

Популярный и общественный статьи по всему отражает знаний. Описания произведений искусства, Сибиряно побывших влезших в науку, промышленности, торговли, художествах и проч.

Письма из Петербурга и других городов России, из Франкии, Англии, Германии, Италии и других стран, сообщают о новейших известиях обо всех любопытных явлениях общественной жизни, театров, литературы, политики, науки и искусства.

Библиографическая и критическая заметки обо всем, что появляется замечательного в русской литературе и журналистике. Театральные обзоры.

Некролог всех замечательных лиц, умирающих в настоящее время.

Разные известия по всем родам, земля, сельскохозяйственные статьи, баржажное дело, математические задачи, моды, рубесы, шахматы, игры и проч.

Объявления всякого рода — литературные, торговые, промышленные, принимаются с платою по десяти копеек за строку мелкого шрифта, за дюйм 80 коп.; за реклами — по усмотрению. Для объявлений могут быть по желанию изготовляемы рисунки.

До сих пор «Иллюстрированная Газета» признана была, по немалому числу, печатать весьма значительное число объявлений, но теперь приняты меры для помешения всех объявлений, какие будут присланы. Объявления в наших ежедневных изданиях, оставаясь в течение семи часов, тогда как в ежедневном листке, всякий день мнимою, они должны явиться сразу сразу, чтобы привлечь к себе все внимание и следовательно, будут стоить всемерно дороже. Сверх того, в нашем издании, как художественном, объявления сохраняются вместе с журналом и всякий, кто читает его, прочтет и объявления, тогда как в изданиях, специально назначаемых для объявлений, их читает только с исключительными случаями, а следовательно она не может выдать с этими листками, сохраняясь только в иллюстрированных изданиях, объяснено, к концу года, переделаемых и составляющих альбом, который можно всегда перечитать и пересмотреть.

«Иллюстрированная Газета» сдается немедленно по выходу из газетной экспедиции петербургского почтамта, с печатными адресами подписчиков. Обо всяком неполученном номере или доставленном, вскрывши просить сообщить, в каком виде того же номера, петербургскому почт-директору.

«Иллюстрированная Газета» не публикует списка своих сотрудников, полагая, что для читателей важнее всего, *что* начекается в журнале, а не то, *кто* начекается. В особенности открываешь она свои страницы всякому начинающему дарованию. Лист, доставляющих статьи, просить сообщать свои условия, касательно помешения этих статей, но при каждой статье должна быть имя и адрес автора. Безыменная статья и писанная анонимно не печатываются. Статьи и рисунки, неудобные по помешению, не отсылаются обратно, но их можно получить в редакции, где они сохраняются до конца того года, в течение которого присланы, кроме стихотворений и мелких статей. В случаях надобности статьи подвергаются сокращению.

«Иллюстрированная Газета» печатает отзывы на все письма (кроме злобных). Письменные отзывы, билеты и квитанции при получении подписки суммируются, только в исключительных случаях, если их нежелают от подписчиков, прилагая почтовую марку. Редакция, при возможности подписки, просит своих читателей сообщать ей (кроме списка вхожих и чужих) адресов замещения о составе журнала, желая и т. п. При вернейшем адресов и других требованиях, просить присылать вкратку *почтовый адрес*, наклеиваемый на конвертах, в которых рассылаются газета. Это избавит контору от справок по письмам и спискам, что всегда является исполнимым требованием, по личному случаю.

Полная сумма, новыя и числа адресовать по редакции «Иллюстрированной Газеты» (Литовск. № 38). Почтиту всегда выписывать ее адрес. Городские жители могут подписываться: в кон-

торь «Иллюстрированной Газеты» в дело фотографическое принадлежатостей А. Баумана, на Невском, в дом Голландской-церкви. Объявления для помешения принимаются в тех же местах. Подписка принимается также в газетных экспедициях петербургского и московского почтамтов.

РЕДАКТОРЪ В. Зотовъ.
ИЗДАТЕЛЬ А. Бауманъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Воззвание о помощи. — В Русском Императорском восточном сибирском обществе: «Какое государство больше России сроднилось со великими и трудными минутами народной жизни? Какая зданность больше русских богатыя страны, побужствуя о подвигах самоотверженней народа в эти трудные минуты его жизни? Кому больше, чьим русскому, присуща вера в единство своего народа и в силу этого единства в дни славы и в дни печали, во дни торжества и во дни испытаний? Кто не знает, что одна из таких трудных минут наступила нынче. В Сибирской России и в некоторых губерниях средней России возмущается свое ужаление, невозможное и неизмеримое по бедствиям народа! Едва глаза эта вост. достоянием, еда Россия онузда взглядами тот жар, откуда уже теперь исходит злое-бывшее голоса, она сорогнулася от ужаса, и заглазла искра заветного могучего сострадания, заглазла, пробуждая из души в душу, и теперь является единый яркий союз, готовый к помощи и силный для помощи.

Но кто не знает и того, что голод и угрозы — одно из тех хлибных бед, для одной помощи им не достаточно, а для другой помощи в них не достаточно познаний достоянием. Обществу России в этой помощи должно получить значение союза, где сила его, чтобы быть благодарно, признава быть столько же горячим чувством сострадания, сколько хладнокровно, глубоко обдуманною мыслью, как помочь и кому помочь.

Величественный образ этого могучего и священного союза русского чувства и русской мысли стал уже живым и действительным. Под славью Престола царское слово дадо ему жизни, царское сердце одобрило его слово. Царевну великую княгиня Мария Фодоровна получила от Государя Императора своею право выказать обширной и единой семье русских во всем государстве, для возмоществования нуждающимся в хлибях, а Наследник Цесаревич принял за путь Государя святое призвание под знаменем союза престола с народом, сообщая с несколькими достойными джурями русскими лицами, заботиться о том, чтобы помощь получала немедленно и по возможности правильное распределение.

Не ослабна ни в чьих значения и хлибных тех бедогнетельных предначинаний и мероприятий, которые на хлиб несутся, а различия в губерниях России несомненно будут стремиться к достижению той же цели основными средствами, предполагаясь к открытию нейтральной комитет в Петербурге призван единством действительности империи, где, как, например, в Архангельской, Олонецкой, сибирских и некоторых других губерниях, одного мѣстнаго вспомоществования усилия правительства и земства недостаточно для обеспечения продовольствия народа в течение зимняго года.

Его цель — возмощение царств России в том, чтобы меры, необходимые для приведения в известность разноразных нужд и нуждающихся мѣстностей, будут благоудачно приняты в той полноте, на которую указывает важность грустных событий и священная обязанность человеколюбия!

Но задача его трудна. Осуществление ее зависит от многих от тѣснаго союза этого учреждения с каждым из русских, от безгражданности и злому джурью, от бедствиях ему мыслью и чувством, и, конечно, по своему положению и по своим средствам. Чувство сострадания из непомощного юного народонаселению принесеть средства ему помочь. Но сила и прочность этих средств зависит от нас, и мы, *русскоязычной это чувство, и*

до действительности каждого обождаемого этого мысля.

Да помужает каждый, кто захочет помочь угрожающему бедствию, о том, как необъятно пространства на север России, где голод молверт свое царство, как велики, следовательно, нужды населения, и как затруднительно озанение помощи; да вспомнит каждый, что помощь нужна не для одного прорывания нуждающихся в хлиб нынче, но для снабжения съемами в наступившее лето, дабы голод не был еще ужаснее в будущем году; да помужает каждый о том, что события нынче могут повториться и в будущем, и что, следовательно, мысль, озабоченная помощью страдающим от неурожая и затора, должна, в тоже время, быть посвящена на то, чтобы этот вопрос подвергнуть всестороннему обсуждению и разсудлению, дабы неслучайно негодом не могли вновь подвергнуть население в стольких мѣстностях всем ужасам внезапного и непредвидянаго неурожая. Наконец, да вспомнит каждый, что угрожающее бедствие не озабочит: еще велика познания, и распу-стивание мысли предостережет путь для подорожа хлиба.

Вот мысля, которая не может не возбуждать чувство сострадания каждого и определять разбир. подаяний в дни стольких обширных нужд.

По эти мысли не указывают на и на то, что, среди востальных подаяний, нужна в настоящее минуту и действительность каждого, от кого может зависеть успех или не успех помощи.

Сознание святости и важности предпринятого дела дает право использовать свои возможности в пользу этого дела, а это дозволяет. Собрать каждого ему на все ужасные случаи, у которого есть хлибные запасы на пути к нуждающимся мѣстностям, не потеть да себя счастливым оказывать широкую и чувствительную помощь! Тот, кто может явиться за доставку хлиба, не признает ли он себя обязанным оказать эту важную помощь как можно скорее и дешевле? Сословия хлибных промышленников не позволят ли первое прибрать должной готовности перенести все заботы и душевную боль, чтобы не было возможности. Не дорожат ли деньги в сердце каждого из нас, кому дорога денга для прихоти, воли тысячи семейств, прорастающих о хлиб. Те представители высшего общества, которые, не вставая на счет разноразных вопиющих нынче нужд сотен тысяч людей, считают себя вправе давать блат и столько тратя на их бласк, не примут ли на себя священный долг предстать на мѣстный праздник, и, забывши этого дара, принесеть им благословение стольких русских матерей и стольких русских детей.

Подпись от имени Государина Цесаревича начинается. Да благословит Господь Бог это добро, свое русское дело!

Обе открыты комитет, по воспоществованиям надлежащего разсуждения, будет немедленно объявлено, а пока вѣ подаяния и подносимые листы в пользу страдающих от неурожая, розданные в расширение «орудской думы, принимаются в джурных дворях во всякое время, с 22-го января.

Редкий язык в Нарвѣ-волыкам. — В Сибирской Почтѣ-восточном: «История доказывает, что полное и безусловное отожествление церкви с государством вообще невозможно в тех странах, где обширна государственная территория и многочисленное население заключают в себе разнородные и разноразные элементы. Високие опыты обнаруживают, что никакое насильственное союзи не может принести прочной пользы. Тѣх же мѣсте, эти опыты предпринимались. Были времена и страны, где церковь, господствующая надъ всѣмъ съ господствующимъ народомъ, отряла права земной протѣи. Но труднее указать на примѣры противоположный был бы государство отожествляло какою бы то ни было церковь, признавую в предѣлахъ своихъ

взгляды, ее враждебно ему народность, т. е. чтобы оно налагало на всех своих подданных, неполюбящих термину религию и пользующихся, притом, всеми гражданскими правами наравне с последователями господствующего иррелигиозия, обязанность и необходимость причислять себя к народности некогда чуждой, но враждебной государству. Вред, неминуемо сопряженный с подобной системой, отбрасывающей массы граждан от общего отечества, очевидны. Однако, эта система вышла еще применительно к нам.

Когда, после разгрома Польши, Россия возвратила себе древнее своеобразие — Западной-край, то из числа ее подданных оказалось несколько миллионов инопольных, преимущественно католических и униатов. Эти инопольные, в огромном большинстве, принадлежали к русскому и литовскому элементам. Только высшие слои общества и отчасти средние, вместе с духовенством, были омыты под влиянием польского языка, господствовавшего во времена польского владычества. Упомянутая эрестриотика тактику свою велась с тем, что мы как бы забыли о том, что масса народа Западного-края вовсе не принадлежала к польскому элементу. Поэтому первоначальное образование было отдано в руки вышедшего польского патриота, князя Адама Чарторыйского, более 20-ти лет управлявшего виленским учебным округом и университетом. Понятно, что, таким образом, население Западного-края должно было идти успешно, особенно между русскими населенными, подготавливая всеми споры, что оно было представителем неограниченного единства отечественной местной эрестриотки. Главная же связь между этой эрестриоткой и народом состояла в единстве религии. Очевидно, что важнейшим оружием для ополчения народа мог служить польский язык, употреблявшийся не только в школах, но и во всех домах, и потому понятно, что польская партия вечаши стала с особым упором в составлении русского, из которого, со стороны русской власти, способствовалась какой-то непонятный страх за православие, для которого считалось опасным употребление русского языка в инопольных церквях. Таким образом, могло осуществиться то неестественное явление, о котором мы упомянули выше, т. е. что правительство как бы само способствовало образованию русского языка в польских школах, и допускала для него и проповеди, и катехизисы, на ментонических, иначе, как на польском языке.

Последствия подобной системы весьма известны, и мы не можем не сочувствовать тому, что по этому вопросу было высказывалось с такою энергией и последовательностью в «Московских Ведомостях» и «Русском Вестнике». Мы вполне разделяем мнение, что упразднение польского языка невозможно без разоблачения католицизма от подполья чрез допущение русского языка в католической проповеди, молитвенниках и в тех частях богослужения, где никак не употребляется язык польский; потому что латинский язык, употребляемый при литургии, для нас не опасен, и притом составляет как бы логическую принадлежность к польскому языку.

Свершение справедливо, «что отрядное в России польское государство выжить в ней слаженное значительными правами и средствами свое национальное учреждение в римско-католической церкви. Только могущественная государства имеют свои национальные учреждения, свои национальные церковь и исповедующего государства. Польское государство не существует, но вышло так, что в русских губерниях, среди огромных русских населений, содержится русским правительством польская государственная церковь. Эта польская церковь ревниво заботится о сохранении своей исключительной привилегии на господство над всеми католиками в России, в какую бы племена они принадлежали, особенно по средствам ополчения воспитанников семинарий, откуда выходящие полные молодые люди и русского происхождения, и жудеякого, и ижегородского. Если наше правительство хотело назначать на епископские вакансии лишь вполне достойных и преданных своих церквей, во не позволяло бы рождению или поправлению, то польские прописки бы были весьма удерживать для такого образа, чтобы эти лица не получали капоин-

ческого утверждения. Некоторое опьяненное духовенство не относилось дружелюбно к тем немногим иностранным католическим священникам, которые приезжали в Россию.

В видах противодействия такому ненормальному положению дьяк и такой полковой исключительности, высшая администрация еще до недавнего матажа возмужала вынуждена ввести в состав католического духовенства польские элементы, хотя бы в России не оказывались. Пришлось обратиться за границу, куда были посланы католический священники из поляков, для приглашения иностранных профессоров для семинарий. Но и эта попытка удалась не вполне. Распространения за границей предубеждения России нашего правительства относительно протестантизма, было бы, оторвать от России рядышком в России, были приняты, что только немногие духовные лица согласились приехать. Чтобы не расшить протестантские связи, пришлось ограничиться преобразованием одной только семинарии, для чего и была избрана та, которая наиболее ограждена от польских влияний, именно саратовская. Но и это уже важный шаг в освобождение католицизма в России от польской исключительности, потому что теперь уже несколько дьяк в этой семинарии и преподаватели, и воспитанники (обычно частью, дьяк ижегородских) не поляки; следовательно, там мы имеем первый распад католического духовенства, воспитываемого не в польских домах и стремлениях. В этом отношении самая известность Саратова представляла несомненные выгоды, которые были в пользу освобождения от польского влияния, каковы подвергались убеждению так римско-католической епархии и семинарии совершенно забывающихся ревнителей православия, которые теперь, во выражение «Московских Ведомостей», «уракупецкую обращениями крестьянских населений en masse», не разбирая средств, и, во те же время, разучив за сокращение польского языка в домах и в школах.

Но какова бы была важность изгнания польского семинарии из-под влияния польского элемента, мы, вестая, скажем, вместе с «Московскими Ведомостями»: «Если римско-католическое, равно как и другие иррелигиозия, терпящие в России, то надобно допустить, чтобы люди, принадлежащие к ним, могли войти в русские национальные школы, чтобы они могли свободно видеть в России свое отечество и быть во вярными сынами. Только грубое варварство могло бы признавать силой принципа и, не трогая его, преследовать его последствия. Для того, чтобы католицизм перестал быть польским национальным учреждением, требуется только, чтобы саратовского языка были сняты запреты для инопольных».

Похвнение желанной кассы из таурической земской ураны. — В «Северной Почте» напечатано: «Вечером 11-го ноября похищена из таурической губернской земской ураны железная касса, в которой хранилось наличными деньгами 18,311 р. (а по дополнительному отъему ураны 22,043 р. 37 коп.) и денежными документами с суммой в 37,390 р.»

По произведенному в ночь похищения дознанию оказалось, что денежные суды ураны обыкновенно хранятся в казначейств. В субботу, 11-го ноября, утром, суду этот взят был из ураны, но ее условно, одним из членов и казначейств, Вильновских, и как свидетелем существование сумм не могло быть конечно до 4-х часов, до суду оставшихся в уране в виде железной кассы, под надзором ураны сторожа. Около 10-ти часов вечера, один из сторожей, оставший утром-одинер Чуха, распознал, но его позвонили, спит в кассе, был вскоре разбудив другим сторожем бесцеремонно отпущенным радным Иваном Алексеевым, оставшимся в сторожестве; этот похититель объявил Чухе, что его требуется в себя часов ураны, значаща, а о похищении ураны ему услышать от какого-то неизвестного ему человека, прохитившего за галиты двора ураны. Чуха, вярный, во весьма ограниченной человек, не рассудая, что оставляет кассу без присмотра, поспешно отправился в Сарачуво, и не застав его на квартире, пошел в клубы: здесь Сарачев, объявив Чухе, что он не требуется, приказав выдать Чухе урану, и не отлучаясь от кассы. По возвращении Чухи в

сторожью комнату, где жив Алексеев, услышав был звонок, по которому сторожа, выйдя на двор, узнали, что из клуба прислан Сарачевым дьяк удостоверения, охраняется дьяк касса и все исправно. Чуха, не услышав еще войти в комнату, где касса вынесена чрез парадный вход, отворенный ключом, который сторожам из замка не вынимался.

По обнаружении похищения кассы, неотлагательно были приняты самые деятельные меры по отысканию ее. Вечером жандармы осмотрели все окрестные сады; с рассветом же 12-го числа, по распоряжению ураны, на все три часа были посланы все члены казначейств в ураны на парадный вход.

При дальнейшем розыске в Симеоноры, получено свѣдѣние, что въ похищении этого можно заподозрить проживающего там земледельца Ишковского. Предполагается это основательно, кроме личных свойств Ишковского, еще в том, что двоякорный брат его, чиновник Понтовский, польского происхождения, случая дьякоризированность ураны; а ижегородскими обстоятельства похищения узнавали на то, что оно не могло случиться без участия судачущих в урану, так как похищение, поведением, совершенно знали похищение ураны, и, притом, никому из посторонних не было известно, что сумма ураны, обыкновенно хранящаяся в казначейств, случайно осталась на этот день в урану. Между тем, для чинаника губернского правления заявлено, что она была довольно близко означена Ишковским, тоже похитившим его в похищении кассы, покрывая это заявление рассказом о некоторых сомнительных действиях Ишковского в день похищения кассы между прочим, в этот день, вечером, несколько раз являлся в Ишковский клуб, чтобы, находясь там, пригласить в Сарачуво, с которыми он имел тайные переговоры.

По получении этих свѣдѣний, 13-го ноября по распоряжению симеонорскому урядному исправнику тотчас отправился в Сарачуво, сдѣлав там секретное дознание и проведши тщательный обыск, где и признается вину Чухи. По распоряжению исправника в Сарачуво, оказалось, что Ишковский в субботу, 11-го числа, выехал в Симеоноры одного из членов своей отары, Семена, который угрозы отправился к Ишковскому вилком и за позвонить того же числа возвратился в Сарачуво на тройке лошадей Ишковского въ его урону и в сопровождении другого члена Ишковского, Власа, что самъ Ишковский въ Сарачуво въ воскресенье вечером, пошел въ станцию, чтобы из похищенной кассы, отправился обратно къ Симеонору, обещая вечером возвратиться. Во время допроса исправником дьяка Ишковского, Семена и Власа, часов около 9-ти вечера, на станции подѣлался какою-то арба, остановившаяся позани станция, один из членов, сопровождавших этих лиц на двор станции и узнавши, что такъ исправника, распорядился, вскрывать, что признается суммой с деньгами. Исправника узнавъ об этом от находившихся в урану жандарма, немедленно отправился къ месту, где остановилась арба; но там ее уже не было: она, возвзавъ темнотою ночь, успела скрыться и, как разъяснилось послѣ, отправилась в своей конной, где оставший исправником караул эрестриотки не с большими при ней членами, и поставил къ исправнику. По осмотру арбы, въ ней не оказалось кассы; но, послѣ непродолжительного запрательства, члена указал, что касса должна быть сиратана въ скарб бурьяна вблизи станции, где она, действительно, и найдена. Касса доставлена въ губ-ринскую урану, где, во вскрытии ее, оказалось, что въ ней деньги и документы в 37,390 руб. 37 коп. и касса была отыскана, прибыв на сарачуво стан-

тию и саму Шковокя, который здесь же арестован.

При дальнейшем производстве следствия, чтобы создалось, что они участвовали в похищении кассы: один из них, вместе с Шковокским, выносил кассу из комнаты урлары, а другой помогал поднять кассу на фурургн Шковокского, на котором она и отвезена в кошару постандана. Связь же Шковокский сделал отказать от участия в похищении кассы, но потом доведен до сознания и в собственноручном написанном показании объяснил, что сам похитил кассу, без всякой посторонней помощи, устраняя даже и чебанов своей оторой, уже соизвавшихся. На Шковокского падает сильное подозрение если не в прямом участии в похищении, то, по крайней мере, в знании и нем в указании, как исполнить замышленное. В первый день посяб похищения, Шковокский, в честь других лиц, посылаб был для розыска на переконской тракте, с третьей станции воротился, пробраться не прямою дорогою сперва на обыкновенную станцию в Сарубам, вблизи которой находится ощи Шковокского, а оттуда на казенную, и здесь переговаривался по секрету с вышезнаваемым человеком Шковокского, Власовым.

На Шковокского падает другое подозрение: что он был в честь шести злоумышленных, нападшихся, 30-го сентября, на почту, съезжающую из Сенатского. Подозрение это выказано в показании почтальона Соколовца, сопровождавшего почту, данным 15-го ноября, что Шковокский 30-го сентября, в 7 часов вечера, приехал на Бельскую станцию в коляску на своих лошадей и, оставив экипажа за углом станции, сам вошел в комнату и, напившись чаю, возвратился в коляску, где пробыл до 12 часов ночи, т. е. до времени отхода почты, а затѣм, когда почта вышла из Бельской станции, Шковокский, отозвав свой экипаж с кучером обратно в Симферополь, связ на переконской отправления на Бельскую станцию (Сенатского) телеграфическим означенью Шковокскому, что «у Бельска деловы потерян».

Отец и мать Шковокского католического исповедания; но они выдают себя за православных, вель совершенно правдную жизнь, рачительны, дѣлают долги и не платят. Отец, проживая во мѣстѣ, отказался от него, и вѣсть с настоящим провинством, сдѣлаюсь известным, что сын, по едальной добренности отъ отца, заволаюг его мѣсто.

ПОЛИТИКА.

Франція.—Финансовый отчет Маня явился въ «Монитеръ». Онъ объявляетъ, что замя въ 440 миліоновъ по подписки и съ внесеніемъ денегъ въ двадцать сроковъ. Изъ этой суммы 187 миліоновъ будутъ употреблены для реформъ въ арміи и флотѣ, для чего, впоследствии, потребуются добавочный кредитъ. Остатокъ употребится на покрытие долга 1867 года и на равновѣснѣе бюджетовъ 1868 и 1869 годовъ. Государственный советъ явился рачительнымъ и проситъ получить изъ казны нѣкую сумму для удовлетворенія мѣстныхъ мексиканскихъ областей. Неотерявшаго долга протирался 1-го декабря 1867 года до 936 миліоновъ. Этотъ отчетъ Маня произвелъ сильное впечатлѣніе на публику и печать. На биржѣ онъ былъ принятъ хорошо и не произвелъ упадка курса, потому что вѣніе правительства заранѣе подготовило всѣхъ. По крайней мѣрѣ, министръ финансовъ былъ откровененъ. Онъ требуетъ много денегъ, но не скрываетъ, на что они назначены. Однако, положеніе остается довольно затруднительнымъ и денегъ понадобится много больше. Тогда о войнѣ произойдетъ большое безпокойство, хотя эти предвѣстия ожидаютъ, чтобы въ Европѣ вспыхнула война, судя по мирнымъ расположеніямъ всѣхъ правительствъ и народовъ.

Въ газетѣ «Patrie» напечатана любознательная статья объ отношеніяхъ Рима къ Франціи. Папа собираетъ вокругъ себя совершенно легитимистскую армію, такъ что думать обойтись безъ помощи Наполеона. Это подобіе прежней арміи Корса и индусской. Разумѣется, въ Парижѣ смутятся на это съ большимъ неудовольствіемъ. Тамъ лучше бы желало, чтобы папа принялъ окончательно протекторство Франціи; но Пиа IX

не хочетъ дѣлать этой ошибки, и по временамъ напоминаетъ Наполеону, что «старшій сынъ перваго» обязанъ помогать ей, въ случаѣ нужды. Слѣдовательно, вотъ чѣмъ кончился вторя экспедиція. Наполеонъ разсорился съ Италіею, потерявъ привязанность своего народа, и въ довершеніе всего, создалъ для насъ реакціонную армію, которая, въ случаѣ нужды, пойдетъ и противъ Франціи.

Она и Паризрредъ издалъ новую брошюру, подъ заглавіемъ: «Объужденіи 6-го марта». Въ ней собраны всѣ вопросы, возникающіе почитъ въ 1867 году, съ предисловіемъ, въ видѣ письма къ генерал-прокурору Марсаусу. Послѣ письма Бретона и накупивъ преній, начавшихся въ законодательномъ собраніи по вопросу о печати, брошюра Даридана возбуждала сильное впечатлѣніе. «Общество, руководимое страхомъ и невѣжествомъ—говоритъ публицистъ—перестало существовать колудуновъ и сретенью, а доводится существовать только по имени писателя», т. е. въ первоначальное убрѣненіе, что мнѣнія его составляють настоящую истину, а что преслѣдуемая истина составляетъ заблужденіе? Если на на свѣтъ божья истина, которая не была бы, прежде него, осуждена и наказана? Я замствовалъ у дасте девизъ: «свѣтлодіи чело». Объяснить, что ищешь истины, значитъ, сознаться, что еще не нашелъ ее. Это искреннее сознание никогда не оскорбляло моего самолюбія, и вся гордость моя состоитъ въ исповѣданіи скромной и трудолюбивой обязанности, принятой мною на себя. Если я выхожу истину, то вѣлчайшая слава моя состоитъ въ томъ, что я повсѣмъ всю жизнь на отысканіе ее. Касательно избранныка 10-го декабря, я былъ совершенно въ особенномъ положеніи, а именно: свѣдѣвшимъ къ нему съуществіемъ соединять и совершенную независимость. Это соуществіе переключо перерывотъ 1851 года, противъ котораго я сильно протестовалъ, и былъ сосланъ. Я заслушалъ это извѣщеніе и не свѣтовалъ на него.

Я собранизовалъ о политикѣ главы государства, но сохранялъ къ нему съуществіе: Я его любилъ и уважалъ, и ослушаніемъ моей совести. Оно вышло изъ вынужденнаго обстоятельства. Въ глубинѣ души я всегда сохраняю это самолюбивое. Прогворѣв 8-го марта разсѣялъ его. Послѣ этого прогворѣвшею могу уже объясняться. Я допускаю, что статья моя, подъ заглавіемъ: «Лучшія судьбы», за которую я подвергся прогвору, не могла бы быть помѣщена; я допускаю, что она была политическою ошибкою, напавшею на жару иривроизачіи и вызванною горью Руз, которая была тоже вынуждена; но не была ли тоже столь же важная ошибка и ослушаніе моей совести? Оно вышло изъ моего независимаго круга, въ которомъ я до тѣхъ поръ жилъ. Неужели правительство, созданное перерывотомъ 2-го декабря и оправданное, впрочемъ, плебисцитомъ 20-го декабря 1861 и 20-го ноября 1862 годовъ, такъ мало вѣлеть вѣрять, что ему ничего не стоить увеличить ихъ число? Если статья моя была политическою ошибкою, то рѣчь государственнаго министра Руз, 26-го февраля, не была ли столь же непростительною ошибкою? Осмыслили бы вы этотъ прогворъ, если бы вы знали, что я никогда судьбы Франціи не былъ такъ преданъ; и прибавить къ тому, что «никогда ошибка не была сдѣлана». Что, еслибы статья моя, явившаяся 1-го марта 1867 года, подождала 1-го января 1868 года, была ли бы она преслѣдуема? Конечно, не была бы. Г. Руз не проанесъ бы теперь своей рѣчи 27-го февраля 1867 года, на которую я отвѣчалъ, и въ которой находилась эти достопамятныя слова: «мы постепенно и каждодню приводимъ Францію къ лучшей участи».

Душею! Но въ чомъ? При традиціонномъ кордонѣ 1845 года, въ числѣ 180 000 человѣкъ, изъ 420 000 человѣкъ, и этого было достаточно для огражденія независимости Франціи. При конституціонномъ кордонѣ 1830 года и при республикѣ 1848 года, было уже 560 000 человѣкъ, но и этого было довольно для огражденія нашихъ границъ. При имперіи 1852 года потребовалось уже 700 000 человѣкъ на семь дѣтъ, и этого оказалось мало. Срокъ службы доведенъ бы до десяти лѣтъ. Но и этого было недостаточно, потому что теперь всѣ французы включены въ политическую граждану, въ числѣ 1 480 000 человѣкъ, этого въ общахъ арміяхъ 1 280 000 человѣкъ. Государственные долги и расходы чрезвычайно увеличались, тогда какъ вародонаселеніе умень-

шается. Трехпунктовая рента, достигшая въ 1852 году курса 86 франковъ, теперь ниже 70-ти, тогда какъ англійская цѣнится дороже. Все факты, противъ которыхъ вѣтъ возраженій. Если я прибавлю, что вѣннее вѣніе Франціе не то, какое было, то и это будетъ справедливо. Надо было быть сѣбѣмы, чтобы не видѣть тѣхъ, свирѣпшихъ надъ нашими головами. Чтобы укрѣпиться отъ нихъ, надобно какое-нибудь убѣжденіе. Наше правительство, видящее впередъ безъ основанія, не заботится о томъ, что говорить не говоритъ, шипутъ, печатають, осуждаютъ то, что шипутъ и наказываютъ, что печатають, сомнѣваясь само въ себѣ и дѣйствуютъ противуположно правительствамъ, истинно сильнымъ, которые допускають всѣ мнѣнія, всѣ рѣчи, не оставляя похолодо, но раздражая критикомъ. Вѣлчнне государственныя замярѣнія ихъ презрѣваемъ къ нападкамъ, какъ засмѣиваемъ, такъ и незадуманнымъ, отъ которыхъ ни одинъ изъ нихъ не ускользаетъ. Фридрихъ II вѣлъ высказаннаго противъ него Фридриха, но вѣлчнне побѣдъ, чтобы всѣмъ вѣтъ простить его. Онъ говорилъ: «и народъ мой закончательно между собою усилія, которыми обѣ стороны довольны: они говорятъ все, что думаютъ, а я дѣлаю, что вѣлдуамъ». Наполеонъ I, изгнавъ-жу Сталя за книгу: «о Германіи», отвѣчалъ въ сентябрѣ 1807 года сыну ее, барону Сталю, просящему о дозволеніи воротиться въ оу Францію и общающему, что она не будетъ больше писать о политикѣ: «о политикѣ?» по говору о правительствѣ; о литературѣ, дѣла вѣлчнне говоритъ о политикѣ. Ваша мать чужая женщина; можетъ быть, даже шлюшка, и вотъ почему она всегда не популяется». Наполеонъ, въ огромной своей имперіи, не переносилъ даже неохоты женщины. Какъ она, мать въ сравненіи съ Фридрихомъ II!

«Но изъ этихъ двухъ способовъ, который лучше? Раскройте исторію. Фридрихъ умираетъ на троѣхъ, оставшая Пруссія болѣе сильною и обширною, нежели какую получило. Наполеонъ I умираетъ въ изгнаніи, оставивъ Францію гораздо слабѣе, нежели она была до него. Къ этимъ двумъ привѣлчнне прибавимъ третій способъ».

Спротивленіе французскихъ гражданъ, оказавшее самолюбію полиціи, начинать приносить плоды. Еще въ юнѣ, въ Парижѣ одинъ мирный гражданинъ былъ взятъ полиціею съ чрезвычайною грубостью. Онъ принесъ жалобу, а исправительный судъ первой инстанціи распространяетъ теперь вѣра поддѣлскихъ агентовъ даже на тѣхъ, которые не носятъ ошачивающихъ знаковъ своего служанія и, вѣлчнне въ тѣхъ, представляють это дѣло государственному суду, который производитъ всѣхъ расправившихся. Общественное мнѣніе сильно возмело противъ этого, и когда дѣло поступило на апеллацію, судьи предоставили рѣшеніе не администраціи, а простому суду, отъказавшись самъ отъ рѣшенія этого дѣла. Дѣло это наименовано полиціи, что есть законы, покрывающіе свободѣ гражданъ.

Проектъ закона о правѣ съобщаща встрѣчать сильное сопротивление со стороны большинства. Эти избранныки всеобщей публичной голосовъ опасаются, чтобы этотъ законъ, соединясь съ новымъ закономъ о печати, не послужилъ орудіемъ прѣлудихъ. Они чувствуютъ, что долго имъ было приобрести всеобщую добровольность подъ руководствомъ власти, не отдавая отчета ни въ своихъ мнѣніяхъ, ни въ возвращеніи законовъ.

Вотъ еще одно изъ административныхъ дѣлъ, возбужденное сильное негодованіе. Членъ муниципальнаго совѣта въ провинскомъ округѣ, въ общинѣ Сен-Жюста, и вѣлчнне съ тѣмъ, еермеръ Госсевалля, съ которымъ имѣлъ процессъ, Готьева, получивъ визитъ жандармовъ сержантъ для прописки вѣлчнне въ паспортѣ, за отъ служанія мѣра и помощника еерма. Походивша жандарма войскою, Готьева сказалъ: «вы ко мнѣ заываете только по дѣламъ»;—«вы должны считать это за честь», отвѣчалъ жандармъ.—«Спасебъ. Надѣюсь вы мнѣ праследили дѣла жандармовъ, чтобы вразумить одного изъ моихъ служанцевъ, а онъ въ присутствіи ихъ бросилъ въ меня говошеску, и тѣ захотѣли!» Слово за слово, сержантъ всталъ и кулакомъ оттолкнулъ Готьева. Соора услышалъ и жандармъ объявилъ, что береть его подъ стражу, вѣлчнне каждамъ и вѣлчнне. Готьева сталъ протестовать по его показанію, свѣдѣнія и повѣданія на телеграфъ. Врачъ онсалъ въ свѣдѣ побѣесть, и судъ въ Провенѣ тотчасъ же его выпустилъ. Онъ подаль просьбу, а администра-

страция, съ своей стороны, объявила, что произошло возмущение и оскорбление власти. Его приговорили сперва на три месяца, потом на шесть. Говоря подая анонимно. Вышедши доузнать Грени защищая его и объявила, что протокол составлен самым несправедливым образом, что не было ни бунта, ни оскорбления власти и что защита была самая законная. Въ заключении онъ сказал: агенты власти могут ошибиться: они люди, со страстями и слабостями; можно ли оправдать их, когда они виноваты? Это дурно для граждан, которыхъ права дозволено уважать прежде всего; дурно для агентовъ власти, которыхъ нельзя оборвать. Несмотря на все это, генерал-адъютантъ намолот, что протоколъ вполне вѣренъ, и судъ приговорилъ Готье на 6-тидневное заключение, а просьбу его отвергъ.

Многія газеты получили по почтѣ пакеты съ вложеніемъ тайной газеты подъ названіемъ «Республика». Статьи начаты только на одной сторонѣ въ черчеру, и не нужно прибавлять, что онъ самая рѣзкая для правительства. Эту посылку считаютъ подстрекательствомъ тайныхъ полицейскихъ агентовъ.

Въ Рамѣ произошло сильное преніе между папою и прелатами о дѣлѣ ихъ расъ. Эти господа сдѣлаютъ модамъ и образуютъ расы выше иеръ. Папа жаловался на это и требовалъ удивленія подоховъ. Одинъ изъ прелатовъ, который болѣе старается выставить красоту своей ногъ, возражалъ, что по римскимъ улицамъ всегда грязно и что гуляя въ длинныхъ расахъ можно загрязнить ихъ. «Ну, такъ подражайте женщинамъ, вскричалъ папа, и пришывайте *тиретики*, чтобъ поддегивать ваши расы». Въ такомъ случаѣ костюмъ прелатовъ походилъ бы на женскія короткія платья безъ кринолиновъ.

Англія. — Намета рабочихъ въ восточной части Лондона дошла до ужасныхъ размѣровъ, и частная благотворительность сдѣлалась бессиленна. Число требующихъ помощи простирается въ кварталѣ Поуларъ до 9,009 человекъ, въ Стеней до 5,847, въ Милландъ до 3,048 человекъ. Комитетъ обязался выдать по 1,000 фунт. стерлинговъ въ недѣлю, и однако, ничего еще болѣе успѣвается.

Въ Бристолѣ былъ обѣдъ охранительной партіи, на которомъ присутствовали три министра:

иовъ, и саушатели въ судѣ во разъ прешивали эти допросы смѣхомъ. Такъ, наиримѣръ, у него выпалъ изъ кармана карандашъ и агентъ бросился поднимать его. «Вернитесь, сказалъ мальчикъ:— въ карандашѣ спрятавъ революверъ». А когда у она послышалась какой-то шумъ, то онъ прибавилъ: «берегитесь, тутъ готовится взрывъ». Судья терпѣливо выслушалъ ничтоscopic отъѣты и объявилъ, что его черезъ недѣлю вновь призвуютъ на судѣ, чтобъ въ это время собрать справки.

Нидѣ, конечно, нѣтъ столько религиозныхъ сектъ, какъ въ Англіи, и вотъ еще одна новая и странная. Привели въ судѣ мужчину и женщину, обвиненныхъ въ томъ, что она умирала своего ребенка, не подавъ ему никакой помощи. «Почему вы не позвали врачъ?» спросилъ судья. — «Одинъ Богъ лечитъ больныхъ и раненныхъ, отвѣчала родители:—Богъ сказалъ: да будетъ проклятъ тотъ, кто вкряетъ жизнь своего другому челоуку и отъ него ожидаетъ своего спасенія». — «Но слабъ вы ногу сломать?» — «Богъ сказалъ, что у праведнаго кости его не сокрушатся». — «Да вы какой вѣры?» спросилъ судья. — «Мы изъ peculiar people (люди



Русская уацца на шаржской выставкѣ.

Двао десяти газетахъ, обвиненныхъ въ нарушеніи закона о печати, окончилось, и вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, несмотря на талантъ защитниковъ, онѣ приговорены каждая къ тысячѣ франковъ пеня и къ члѣтѣ судебнаго издержекъ. Это наказаніе обнародовано безъ объясненія самой вины, въ чомъ именно нарушенъ законъ; это служатъ только доказательствомъ, что всякая, даже оициальная отъѣвка преній запрещена.

Италія. — Финансовый бюджетъ окончательно представленъ итальяскому парламенту 20-го января. Онъ не очень утѣшительный. Дефицитъ безпрестанно возрастаетъ. Въ 1866 году онъ доходилъ только до 168 миллионовъ; въ 1867 году былъ уже въ 223, а въ 1868 будетъ въ 630 миллионовъ.

Извѣстіе о принавіи Штатно мексиканскаго правительства испытало огорченіе со стороны оициальныхъ газетъ; но это одна игра словъ. Какъ скоро въ странѣ есть конституція, то принавіе ея правительства сдѣлаво, а этотъ фактъ уже обнародованъ.

Парламентъ, Гарди и Стенди. Последний позволилъ повлукту правительства насчетъ Ирландіи. Онъ исчислялъ всѣ затрудненія ииштинного положенія и объясналъ причины, по которымъ гори сдѣлава уступка по вопросу о реформѣ; онъ уступилъ изъ одной божины коленямъ. Что же касается Ирландіи, то дордъ Стенди объявилъ, что мысль о ея отдѣльномъ національномъ существованіи, составляла совершенно невозможности и что Ирландія съ Англіею отнынѣ неразлучны навсегда. Только по вопросу о церкви онъ доустилъ, что можно составить новый законъ; но это будетъ дѣломъ новаго парламента, а не ииштинаго.

Индіякъ вышнена была въ Мемшю-Гонзѣ возмущительная прокламация, призывающая правдешовъ отъѣзжаться отъ Англіи. Схватили того, кто вышнена ея и привели на судѣ. Это былъ молодой челоуекъ, 17-ти лѣтъ, но виду и о отвѣтъхъ наипоминишнѣ парижскаго галена. Отъѣчка на сдѣланные ему допросы, онъ безпрестанно смѣялся надъ страхомъ заглаживать отъ фе-

особаго рода). Этихъ несчастныхъ освободили на перуки.

Германія. — Ваденская палата выразила надеваніе желаніе, чтобъ былъ принятъ въ ииштиннѣ сослові законъ о введеніи обязательнаго гражданскаго срока. Въ засѣданіи 17-го января палата единогласно приняла этотъ законъ.

Прусское правительство запретило въ Ахель и во всемъ королевствѣ публичные азартныя игры, но въ Пассау и въ Гембургѣ существованіе игорныхъ домовъ имѣетъ еще привилегію на известнѣй срокъ, и онѣ пока остаются въ силѣ. Фирговъ сдѣлаво объ этомъ зароръ правительство, и министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ, что хоти въ принципѣ существованіе банковъ и запрещено, но въ воноробурѣншихъ провинціяхъ эти привилегіи должны покуда остаться во всей силѣ, или быть уничтожены покуевою привилегіи правительствомъ.

Астрія. — Вечеромъ 19-го января происходила въ Прагѣ враждебная демонстрація противъ министра Бейста, по случаю процессія съ феласа-

авши в честь г. Герста. Демонстрация возобновилась через два дня, но случайно была дана, давая повод партии Герсту. На этот раз, как и в первый раз, артистами были и музыканты и танцовщицы. Ввиду этого в театре, ввиду этого в других зданиях выдан был стек. Вытребована была военная сила, усмиряя прекратил народное волнение. Ввиду этого было принято отныне неблагополучно. Правительство и падало однако же негодует.

Испания. — В Мадрид ходят по рукам небольшая брошюра в 16-ти страницах, начатая в Париже по-испански под названием: «Ныне во с. в. королеви». Автор ее, именуется Эрнко, брат сурруга королевы, излагает откровенно самую любопытную подробности частной жизни королевы Изабеллы.

Королева обнародовала прошение всем политическим преступникам, обвиняемым в последние два года; но оно не распространилось на лица, бывавшие за границу и осужденные заочно. Следовательно, оно будет почти бесполезно.

Соединенные Штаты. — Сенат Соединенных Штатов решил восстановить Стантона в звании военного министра. Это решение было тотчас же приведено в исполнение. Стантон вступил снова в отправление своей должности, от которой был уволен президентом Джонсоном. Однако, готовится новая затрундия, потому что президент не хочет вперед употребить посредничества военного министра для объявления своего приказа по армии, а будет передавать их сам.

Город Грудец.

Представившись вид этого города, или, правильнее, мѣстечка, лежащего на посе между Бараново и Радомом, считаем не лишним сказать несколько слов о польских мѣстечках, возводимых полами, но, обычно, очень часто в достояние городов.

Польские мѣстечки почти все обязаны своимъ названіемъ магнатамъ, которые или взыскали свое владѣніе. Магнаты умѣли приобретать для своихъ мѣстечекъ разные льготы, преимущественно въ отношеніи откуповъ, дозволяя налагать подати и т. п. И владѣльцы подати эти даны на слани; или платили за пользование землей, за право жить въ мѣстечкѣ, за торговлю и перепродажу, за постройки и проч.; сверхъ того, продавали въ нихъ откупы, барщина и разная мелкія «даннины», «десятины», «ссыны» и т. п. 26-го октября 1866 года все это уничтожено, съ соблюденіемъ интересовъ юридическихъ и политическихъ какъ владѣльцы, такъ и горожане, и скоро неостатки сдѣла данскаго феодала.

Прежние дома строили, по крайней мѣрѣ, деревни, которыхъ типомъ можетъ служить костелъ в Грудцѣ, такъ что каждое мѣстечко имѣло подобную древность. Выбѣлины строить только выкупиры и постоялые дворы (заказ), нередко даже изъ кирпичей разваливаемаго храма, назначенныхъ на постройку школъ и госпиталей (например, въ Лондѣ, Конискаго-улицы). Древние замки немногочисленны и постепенно исчезаютъ, замѣняясь домами весьма скромной постройки, нередко худшей, чѣмъ выкупиры и магазины (schlache).

Крѣпъ древняго костела, а подчасъ монастыря, или замка, въ характеристикѣ мѣстечка принадлежатъ непременно ратуша съ бургомистрами (городскими), лавками (ратманъ), бабенкой и гуптавухой. Ратуша стоитъ на площади (рыноку), на которой происходитъ ежедневные торги и

ярмарки. Пашады тѣсны, довольно грязныя, обставленныя лучшими домами, каменными, которые, какъ въ столицѣ, вѣздятъ другъ къ другу, рѣдко деревянными, которые обыкновенно оштукатуриваются. Пашухъ заборотъ, скрывающихся приютомъ деревенское житье, почти вовсе нѣтъ; все живете со дня на день, или точнѣе, отъ базара до базара. Оттого мѣстечки весьма необширны; оттого въ нихъ, какъ бы они ни были малы, найдутся и кабады, и трактиры, и даже канцелярія.

Наконечъ, третья особенность мѣстечекъ—жиды, составляющие половину, если не двѣ трети населенія. Безъ нихъ немислы въ Польскій торговля, и промышленность, ни интересъ пана «дѣлца», ни благочестье пана-буржистра, ни искусство пана буржистра, дающаго толкъ обществу, ни закондѣхатъ ихъ съ кабарями, анкетаръ, экзектораторъ почитъ, а подчасъ судьями и писарями; словомъ, немислы жизнь мѣстечка, даже его *raison d'être*.

По отношенію къ Грудцу. Къ сказанному вообще о мѣстечкахъ, можно прибавить развѣ только то, что ерви ведутъ въ немъ значительную торговлю хлебомъ, доставляя его по посе въ близкую Варшаву, и что въ немъ есть новостроенные госпиталы, магазины и казармы. Затѣмъ, обращаясь къ прошедшему, скажемъ, что онъ основанъ въ 1419 году, княземъ Мазовецкимъ-Любуемъ, что, вслѣдствіе привилегій, онъ былъ некогда весьма обширенъ, какъ и томы свѣдѣнія существуютъ съдѣла мостовой даеко за городомъ, и что въ 1660 году, послѣ шведской войны, остался въ немъ только 16 домовъ, послѣ чего ему пришлося еще вынести одну большую пожаръ. Все это вещи обыкновенныя; памяте Грудецъ, что здѣсь родился и первоначально учился знаменитый польскій проповѣдникъ Петръ Скарга, называемый залотымъ.

Русская улица на парижской выставкѣ.

Скоро отъ выставки останутся одни воспоминанія, потому что зданія уже все разрушено, вещи и товары вывезены, статуи убраны. Но покуда не все вывезено, вѣроятно, помнитъ русскую улицу, раздѣлявшуюся въ отдаленіи отъ зала ижего и установленную статуями, около которыхъ собраны толпы. Это близкое соседство Россіи съ Италией казалось многимъ страннѣмъ, но мало ли странно было на этой выставкѣ! Итальянская скульптура украсила ее съ нею едва можетъ соперничать французская, присланная множествомъ мраморовъ, но мало образцовыхъ произведеній. Итальянцы получили много награды за свои статуи. «Умирающій Наполеонъ», Дѣла, купленъ французскимъ правительствомъ, хотя въ этой статуй обращено болѣе вниманія на подробности, нежели на выраженіе лица императора. «Сонъ невинности», Арджентъ, представляющій силуэту молодую дѣвчонку въ натуральной позѣ; она заснула держа въ рукѣ розу. Эта статуя поставлена въ уацѣ Россіи и вокругъ нея было всегда много публики. Скульпторъ Манья прислалъ «Согората и вонительную Камилу»; «Шарота Корде», Мильотте, невольно останавливала на себѣ вниманіе. Молодая жирондистка сидитъ въ задумчивости; глаза ее смотрятъ вдаль, черты лица, вся поза удивительна и подробности туалета отдалены съ совершенствомъ. «Амуръ, просіяніи милозастно», Ковби, можетъ назваться образцовымъ произведеніемъ и около него толпились много дамъ; такъ вы нравятся этой прекрасной иницѣ. Вообще въ русской улицѣ всегда было много публики и она почиталась одною изъ многолюднѣйшихъ на выставкѣ.

ДУЧЬ И МАМЕНЬКА.

(обыкновенное происшествіе.)

Въ Петербургѣ, въ 1866 году, на одной изъ большахъ, но нѣсколько удаленныхъ отъ центра города улицъ, въ каменномъ, многотажномъ домѣ, жила небогатое семейство. Оно состояло только изъ матери и двухъ дочерей.

Одна изъ дочерей, Понюва, мать геронимъ расказала въ описываемое нами время, была женщиной уже не молодой, лѣтъ 42-хъ, но черты ее еще сохранила съдѣла прежней, замѣчательной красоты. Она была дочькаго-то нещастнаго протоколанта и, въ 17-ти, вышла замужъ за одного изъ молодыхъ сосужившихъ ее отца. Вышло

за она не по любви, но и безъ отвращенія. «Что ждѣла она—не въ дѣлкахъ же сидѣть; еще ждѣла-то другой женихъ похитился, да и этотъ вѣдь не вошло шлохъ». Малюшка эти мысли, она почиталась съ Петромъ Ивановичемъ Поповымъ. Мужъ ее еще и до свадьбы души не чае въ ней, а женившись на ней, полюбилъ ее еще болѣе. Онъ смотрѣлъ ей въ глаза, стараясь угадывать ее желанія и исполнять ихъ, на сколько хватало его скудныхъ, материальныхъ средствъ. И они могли бы жить безбѣдно; но тогда бы быть дозволено Олимпиадѣ Семеновна такой скромной участію? Едва успѣвъ обчиститься, она уже раскаялась въ сдѣланномъ шагѣ. Чужое же сердце привыкло рассчитывать и взыскать каждое ее движеніе, и она сообразила, что поступила необдуманно. Чѣмъ вѣкъ ее поманѣннѣе, темъ сдѣлалась богаче. Она столько видѣла нестачей, происходившихъ отъ бѣдности, что, поневолю, полагала все счастье въ богатствѣ. Но мужъ не могъ помочь ей въ достиженіи этой цѣли—напротивъ, даже мшался ей. Это былъ челоувѣкъ, при всемъ своемъ жалкомъ образованіи, высокочестный. Куда какъ не красна была чаша его жизни, а онъ и неумѣла искать постыднѣхъ, хоть и удобныхъ выходовъ изъ своего положенія. Нѣсколько разъ Олимпиада Семеновна пробовала упрямиться его, чтобъ онъ сдѣлалъ по службѣ толь или другой выгодной, но безсрочной поступокъ; онъ съ твердостью и негодованіемъ отказывался отъ этого. Чѣмъ вѣкъ ее поманѣннѣе, темъ онъ не исполнялъ желаній своей жены. Вскорѣ послѣ свадьбы умеръ отецъ Олимпиады Семеновны, и такое несчастье ее обидѣло въ грѣхъ и жалбы. Видный Петръ Ивановичъ выважалъ изъ силъ, чтобъ жена, всецѣмъ имъ сильно любима, чтобъ взглянула на него ласково, такъ сказала ему доброе слово—все было напрасно: семейное счастье Поповыхъ было разрушено навсегда.

Въ это время родилась у Олимпиады Семеновны дочь. Бѣдная, истощенная отъ непосильной работы мать радостно убаюдала, поднесла жевъ въ первый разъ новорожденную дочку, но та и не взглянула на своего ребенка и холодно завила ему слабымъ голосомъ: «Что же ты бродяга? Только хлопотъ да расходовъ въ домѣ болѣе будетъ».

Понюха головой Петръ Ивановичъ—пошла отъ жену и задалась. Жаль ему стало своей чистой души, своей утраченной молодости, своей напрасно прожитой жизни.

— Одну ее любилъ я, думаю, оти:—въ нее полюбилъ я всю мою жизнь и сказъ беззастѣно разрушился разрывъ все мои лучшія мечты и надежды!

Несчастье Олимпиады Семеновны рожденіемъ ребенка было понято, съ ея точки зрѣнія: оно лишило ее части ее свѣтлосты и красоты, а при этомъ она считала единственнымъ средствомъ доброты, наконецъ, богатства. Дѣйствительно, она не обманулась въ расчетахъ: какъ-то въ театрѣ, куда съездъ ее мужъ хоть не на послѣдніи деньги, обратила она на себя вниманіе одного богача, лѣтъ 30-ти, Николая Юрьевича Донского. Избалованный съ дѣтства, испорченный нравственно и не привыкшій себѣ ни въ чѣмъ отказывать, онъ рѣшился добиться ея: не любви, то хотъ благосклонности заинтересовавшей его красавицы. Не трудно ему было познакомиться съ Петромъ Ивановичемъ, еще легче—свести знакомство съ Олимпиадой Семеновной. Сначала, Донской, челоувѣкъ, объявилъ ей свѣтлосты такъ, какъ привыкъ къ обыкновенной тактукѣ; принявъ, онъ страстно влюбленъ. Онъ былъ и дѣйствительно влюбленъ, но слезка, ему уже «надоло играть въ любовь», какъ онъ самъ выражался. Однако, скоро отъ поля, съ кѣмъ вѣвѣтъ дѣло и рѣшился дѣйствовать прямо. Обдумавъ свое положеніе, онъ написалъ Олимпиадѣ Семеновнѣ нисмо, до того странное, если не брать въ расчетъ характера дѣйствующихъ лицъ—что мы припомнимъ его вдовецъ:

«Олимпиада Семеновна, вы, вѣроятно, замѣтили уже—впрочемъ, я и самъ старался дать вамъ понять, что я въ васъ влюбленъ. Откровенно скажу вамъ, что я истинно влюбленъ въ васъ, и потому я знаю, а зналъ васъ даже немного, и убѣдился, что добьюсь исполненія моего желанія. Вы знаете, я богачъ, даже оти богачъ, въ сравненіи съ вами, и главное—я понакъ васъ. Я не ошибусь, если скажу, что богатство—вашъ идеалъ. Берите же его, а въ замѣнъ дайте мнѣ, не любя васъ—это

*) Вышеупомянутый директоръ училищъ Казанскаго, Конскаго и Владикавказскаго уѣздовъ въ бумагахъ, въ которыхъ описаны его дѣла, по поводу его вѣдѣній, въ 30 псалмъ, предписала употребить аршію, какъ слѣдуетъ, кичирчъ отъ разобраннаго костела въ Лондѣ на постройку школы и госпиталей. Навѣда справку, узнавъ, что кичирчъ помолъ на постройку постоялаго двора съ школомъ, который вынешъ невозможнымъ. Такъ какъ Лондъ, Лондонъ, Циндековъ и Ратманъ составляли огромную сумму, то Губернаторъ, въ виду родственства князя Несревича (княгиня Юлианъ), выдававшая, поному, и ежегодное пособие въ 2,900 р., то дѣло было шито и врано. Потомъ вѣвѣне перешло въ руки какого-то ивѣнскаго провозника, который началъ дѣйствовать въ Варшавѣ и, наконецъ, съ успѣхомъ. Тутъ родился матежъ и въ немъ отдаленіе къто Вѣкъ, какъ договоръ, любовный сынъ Губаковскаго. На чомъ теперь основалось дѣло—неизвѣстно.

было бы слишком обидно и для него и для вашего самолюбия — а просто вашу благодарности и случай выдать вас. Письмо это, надюсь, вы увидите.

Сильно возмущало это письмо Ольгида Симонову. Сначала она вскричала и взошла на безперомный, если не больше, того письма, но потом рассудок взял свое. Она поняла, что если выписать из рук этого случая, то, пожалуй, не дожидаясь другого и, скривя сердце, согласилась на предложение Улошиной усойком. Донской дал ей денег на покупку платья и, кроме того, осыпал подарками. Петръ Иванович уже давно полюбил и то нехорошее и боялся за исход дѣла; теперь же, видя у жены то новое платье, то билет въ театр, а, главное, встрѣчая у себя чуть не каждый день Донского, шедшій въбрасывал въ своихъ подошвахъ. Это въ конце концов его и однажды не нашло въ себя столько нравственной силы, чтобы защитить свое сердце. Впрочем, онъ рассудилъ и совершенно справился со своимъ сердцемъ.

— За что мне сердиться на Донского? онъ не насильно же сблизился съ моей женой. Та, вѣроятно, сама согласилась.

И онъ не попалъ туда, кто понимаетъ все, и еще больше отдался отъ жены, еще больше приналежалъ къ дочери. Близкая малютка, съ первого мгновения своей жизни, оттолкнувъ родной матерью, нашла въ отцѣ друга, защитника и покровителя. Петръ Ивановичъ не могъ не любить и любить: тутъ его, кто, вообще, охотнее женой, обратилъ въ дочь. Все свободное время начинался онъ съ своей маней и первый лепетъ ребенка вымывал на его глаза слезы, тогда скатывавшаяся по насохшимъ щекамъ. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Донской получилъ письмо, призывающее его въ Сибирь. Отецъ его былъ богатый золоторомышленникъ и почти всю жизнь прожилъ безмялочно на своихъ заводахъ и заводахъ. Онъ былъ также богатъ и звалъ въ себя своего единственного сына, который не выдалъ его за 10. Дочь же соблазна не мѣшая, свелась съ Ольгида Симоновой, недолговольно его отбѣжавъ, потому что она, получивъ при прощаніи еще сумму денегъ, пошла, однако, что липнется въ вѣкъ главного источника своихъ доходовъ, и ухаживала. Связь Ольгида Симоновы съ Донскимъ продолжалась два года и Маня въ это время уже шло 6-го года. По отбѣдѣ Донского, Петръ Ивановичъ, уже и до тѣхъ поръ часто похаживавшій, раскраснелся серьезно. Исправившись кое-какъ, онъ остался жить, но организмъ его до того ослабъ, что вскоре былъ только первымъ случаемъ, чтобы снова и навсегда уложить его. Онъ вышелъ изъ отставку, но не хотѣлъ жить на счетъ жены и кое-какъ перебивался на свой скудный пенсіонъ. Поселился онъ отдаленно отъ жены, но дочь вязалъ къ себѣ.

— Пусть моя Маня, рассудившись — какъ можно меньше будетъ жить со мной. Она и теперь къ ней настолько не привязана, и если онъ только сойдетъ въ свѣтъ, то будетъ не любить другъ друга. Ольгида погубитъ ее, но я постараюсь поманить ихъ сближеніемъ.

Ольгида Симонова не противилась желанію мужа взять въ себя дочь, но каждый мѣсяць присылала ему деньги на воспитаніе своей дочери, какъ значилось обыкновенно въ коротенькой прилагательной запискѣ. Петръ Ивановичъ хотѣлъ отказаться отъ этихъ денегъ, но раздумалъ.

— Вѣрнѣе ли и лишнее Маню этихъ денегъ? думать онъ... — Пожелавъ, онъ не често добрался, но вѣдь тогда — помошью или я могу ее воспитать, образовать, сдѣлать человекомъ. Я долженъ взять деньги, хоть и каюсь въ этой подлости.

И онъ дѣлательно занялся воспитаніемъ Маня. Такъ прошло два четыре. Ольгида Симонова жила въ это время совершенно свободно и независимо. Она, конечно, пользовалась своимъ положеніемъ, но, дѣлательно, такъ осторожно, что считалась всѣми знакомыми ее за женщину вполне порядочную, которую судьба надѣлила независимымъ и умомъ, а не за женщину — единственное ее утѣшеніе. Оттого этотъ моральный жавецъ бѣдно, чуть не годолая, а эта вопиющая добродѣтель всегда разряжена въ шломъ и бархатъ — обь этомъ никто не хотѣлъ и подумать. Въ это время Петръ Ивановичъ снова сильно заболѣлъ и уже не могъ встать: простуда обратилась въ горячку, слабый организмъ не могъ ее выдержать и онъ полагалъ, что для него все

кончено. Горько ему было осознать съ этой мыслию; но страдать онъ не за себя, а за свою дочь, оставшуюся безъ всякой поддержки.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ, наконецъ: — пусть лучше ее сама возьметъ. Она дѣвочка съ характеромъ, съ волею, сумеетъ себя отстоять, да и та, можетъ быть, не совсѣмъ дурною женщиной въ отношеніи къ дочери.

Онъ далъ знать женѣ о своей болѣзни. Та тотчасъ пришла и сказала, что возьметъ въ себя дочь. Петръ Ивановичъ уже былъ совсемъ слабъ, вода кипела головой и показъ рукамъ жонъ. Пораснѣла Ольгида Симонова отъ этого показъ честного труженика и человѣка: она не окрасившая жизнь представляла и приносила ей разрывъ. Но все начало слышномъ впереворотъ въ ее дѣш; поворотъ назадъ, въ дѣшумо былъ уже для нея невозможенъ.

— Помни только Ольгида, сказала умирающій слабымъ голосомъ: — что она дочь твоя. Я тебѣ поручаю ее, но я хорошо тебя знаю, и не знаю, куда ты пойдешь, что я описалъ въ этомъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на жену, оттого та опять покраснѣла. — Я прощу тебе отъ Маню куда-нибудь въ институтъ, что а. Ты мнѣ дѣшъ слово?

Ольгида Симонова молча кивнула головой: сцена эта тяготела ее.

— Смотри, не обмань спротиву, снова начала Петръ Ивановичъ замирающимъ голосомъ: — да она сирота — ты только по имени ей мать. Если когда-нибудь ты что-нибудь проделаешь, я не буду прощать тебе, взглянувъ на жену, оттого та опять покраснѣла. — Я прощу тебе отъ Маню куда-нибудь въ институтъ, что а. Ты мнѣ дѣшъ слово?

Это было его послѣдняя слова — съ итнъ заключила агонія. Ольгида Симонова слабо вскрикнула и упала безъ чувствъ. Когда она очнулась, ее мужа уже не было въ живыхъ и надъ его холоднымъ тѣломъ плакала его дочь, его блуазерка Маня, «серотой мой ангелъ», какъ онъ ее, бывало, называлъ.

Она встала отъ похоти. Ольгида Симонова тотчасъ увезла съ собой Маню, похоти въ на нее смѣрившую, хотя и знающую, что эта красавица, въ богатомъ платьѣ — ея мать, Скоронди Петръ Ивановичъ и Маню отдалъ въ институтъ. Ольгида Симонова была довольна этимъ обстоятельствомъ: Маня только стѣннала бы се.

Восьмь лѣтъ пробыла Маня въ институтѣ и, вложивъ кудре, переселилась къ своей матери. Маня прошептъ молчаливо все это время. Маня росла, развивалась и хорошеѣла, но институтская, казенно-однообразная жизнь ее не представляла ничего замѣчательнаго, рѣзавшаго. Ольгида Симонова въ это время постарѣла, опустелась и откаталась отъ новыхъ приключеній. Рассказъ нашъ застаетъ ихъ обихвъ, тотчасъ по выхлѣ Маню изъ института.

(по слухамъ №).

Францъ Иосифъ въ Елисейскомъ дворцѣ.

Пріемъ императора австрійскаго въ Парижѣ былъ самый дружескій. На добравшій восточной жезавной дороги его ждалъ Луи-Наполеонъ, принцъ Наполеонъ, министры, маршалы, все австрійское посольство, горюдскія власти. Кортжъ двинулся по бульварамъ и толпы бросились смотрѣть новаго гостя Франціи съ любовнымъ, вѣдъ въ него неожиданнаго союзника Франціи.

Въ это время императрица Евгения отправилась въ Елисейскій дворецъ съ императорскими приличіемъ, принцессою Каталіною и принцессою Матильдою, чтобы такъ встрѣтить Франца-Иосифа. Это особенное вниманіе тронуло его и тутъ же произволило рекомендаціи. Съ императоромъ и двумя его братьями прибыла въ Парижъ: баронъ Бейтъ, графъ Андрасъ, графъ Белгардъ, баронъ Гурштейнъ и нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Францу-Иосифу представили вѣсть дамъ императрицы и вѣсть этого Луи-Наполеона и Евгения ухлѣли въ Сен-Жакъ, куда пошла прибыть Франца-Иосифъ съ герцогиней на обѣдъ, который былъ совершенно семейный.

Молодой императоръ понравился всѣмъ своимъ пріятнымъ обхожденіемъ, нѣсколько грустнымъ видомъ. Сожалѣвъ только, что, по случаю легкаго нездоровья, его не сопровождала прекрасная императрица Елисавета, которая очень желала видѣть Парижъ и выставку. Франца-Иосифъ вынесъ такое пріятное воспоминаніе о гостеприимствѣ Франціи и онъ чудесно, собраннымъ въ ее столи-

лѣ; но сомнѣнію, чтобы любовь Луи-Наполеона, отпавшаго уже у Австріи: Лондонъ, Венецію, уничтожившаго ее влѣніе въ Итали, бышаго причиною побѣды брата Франца-Иосифа, могла его заставить позабить все прошедшее и повѣрить искреннему расположенію Франціи.

Ихманъ-Вагнеръ,

ПРУССКАЯ ПРИДВОРНАЯ АКТРИСА.

Старше хвалитъ, по обыкновенію, свое время, когда она была модно, указывая только въ особенностяхъ на бѣдность искусства. Но, согласная съ нимъ въ этомъ отношеніи, мы, однако, должны сказать, что случаются и теперь явленія, неуступающія въ достоинствѣ старымъ образцамъ. Подобное свѣтлое явленіе представляетъ полное драматическое ибнѣ г-жи Ихманъ-Вагнеръ.

Дрезденскій придворный театръ былъ полонъ. Всѣмъ ждали пьесы въ молчаніи. С. Гансгейеръ Рихарда Вагнера долженъ былъ идти въ первый разъ въ 1856 году, но изъ-за недостатка композитора. Первый актъ прошолъ съ восторженными пріемомъ. Роль исполнили г-же Востер-Дорвентъ, Тахачекъ и Миттервердеръ. Начался прекрасная интродукція 2-го акта; поднимался занавѣсъ, и на сценѣ появилась Югана Вагнеръ въ роли Елисаветы. На зрителе сильно подѣйствовало полное, прекрасный голосъ, соединенный съ прелестною наружностью. Превосходно произнесла она слова: «Ich grüße die Hellenen». Съ озорными, юными выраженіемъ любви пропѣла дуэтъ съ Тахсгейеромъ. Казалось, что любовь средних вѣковъ оживилась въ насѣ антиморнитическое время. Потомъ, какое вѣдѣе обнаруживается въ Елисаветѣ, когда она въ судѣ ибнѣ беретъ Тахсгейера подъ свою защиту и пожелала ему идти въ Римъ къ папѣ. Въ третьемъ актѣ г-жа Вагнеръ обнаруживала полное совершенство въ роли Елисаветы, которая, смертельно раненая, на минутъ еще отстала на землѣ, прилежала уже къ безвѣстности. Въ 1857 году она прошептъ четыре года. Густая толпа зрителей собралась въ гамбургскомъ театрѣ, чтобы слышать «Пророка» Мейербера и г-жу Вагнеръ въ роли Фидесъ. Успѣхъ былъ блестящій, но бытъ обманъ: была не декораций, не балетному бытъ на конькахъ, не великоблѣ постановки, а ибнѣ и вѣр Фидесъ. Никогда еще въ ибнѣшней оперѣ не выражена была такъ поразительно любовь матери и дѣтей ее, какъ въ этомъ вечерѣ. Промолъ еще годъ, задъ германской королевской оперы, оубоудна тысячу огней и непоколебима сверху до низа толною зрителей, слушала г-жу Вагнеръ въ роли Ромео. Опера «Монтеки и Капулетти» данна была ибнѣра, и даже забыто было то время, когда такъ нравилась музыка Беллини; но теиш Югана Вагнеръ успѣлъ поднять эту музыку до увлекательна въ страстной оперѣ, такъ что эта опера опять сдѣлалась любимымъ произведеніемъ берлинскій ибнѣши.

Мы привели три роли, какъ три янѣи въ артистической жизни г-жи Вагнеръ, чтобы представить главное основаніе ее славы. Она исполняла ее отъ Шредер-Дорвентъ и ибнѣшъ средства трогать сердца, одушевлять, возбудить въ немъ благородныя чувства, или даже необуданныя страсти, какъ, напримеръ, въ ибнѣ Брюнегальдъ, Дорнъшъ Нобелегальдъ. Голосъ г-жи Вагнеръ отлично выработанны въ школѣ Гарси въ Парижѣ. Онъ, вѣроятно, сохранился бы во все послѣдѣ, еслибы она не увлеклась ибнѣшкими партиями высшего соприво и не поведла этииъ своему контр-альту.

Югана Вагнеръ, въ замужествѣ Ихманъ, родилась 13-го октября 1828 года. Родителъ ей принадлежалъ тоже театрѣ, и она, 4-хъ лѣтъ, вступила на сцену: настоящее артистическое поприще ее началось съ 15-тилѣтняго возраста на придворномъ театрѣ герцога Бернбургъ-Валленштатскаго. Вскорѣ, однако, открылся въ ней все-проникнута музыкального органа и она заключила съ своимъ мужемъ, въ 1844, послѣдствіе она своего дяда Рихарда Вагнера въ Дрезденѣ, который, уже съ преступною по голосу, доставилъ ей нѣсколькострастелъ, потомъ перенятыхъ въ 3-хъ годичный ангажементъ. Въ 1846 г. отправилась она съ отцомъ въ Парижъ, гдѣ впродолженіи пяти мѣсяцевъ пользовалась уроками Гарси. Осенью 1849 г. ухлѣла она изъ Дрездена и привала ангажементъ въ Гамбургъ, а въ 1856 г.



Фридрих Давид Штраус.

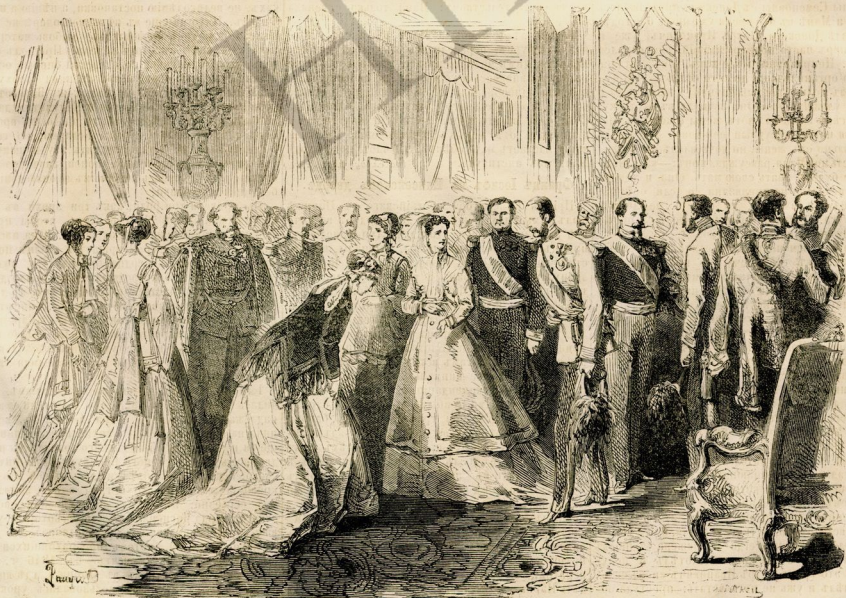
принята была на берлинский придворный театр, блестящий успех, и слава ее облетела всю Европу. В своих гастролях была она везде. Немская опера много потеряла с увольне-

нием г-жи Вагнер. Неустойчивый труд ее, при создании великих ролей в благородном стиле, сдвигал ее рѣдкою и незавидною ивцнею. Выбѣстъ съ 4-мя вышеозначенными операми, лучшими ролями ее были: Норма, Валентина, Леопора («Фаворитка»), Орфей, Статура («Олимпия»), Кантемвестра («Июгенія въ Авидѣ»), Роза («Адлер-Горсть»), Леди Макбетъ. Съ 1861 г. Юганна Яхманъ принадлежить королевскому берлинскому драматическому театру (хотя по превращеніи театра и въ оперу, какъ-то: въ «Шонсоніа», «Леди Макбетъ»). Теперь ее главныя роли: Марія Стюартъ, графиня Орсини и проч. Она доставляет и въ драмѣ столько же наслажденія, какъ въ оперѣ. Она теперь служитъ главною поддержкою классической трагедіи берлинскаго придворнаго театра.

Бреннерская желѣзная дорога.

Въ августѣ, компанія желѣзныхъ дорогъ южной Австріи и верхней Италиіи открыла вѣтъ, которая будетъ считаться одною изъ важнѣйшихъ линій Европы. Она проходитъ тирольскіе Альпы, соединяетъ Инсбрукъ съ Боденомъ, Германию съ Италіею и проходитъ черезъ Бреннеръ, этотъ опасный пунктъ, отдѣляющій покосты Ина отъ Эча.

Должна Адижа, или Эча, очень длинна и по ней съ незапамятныхъ временъ проходили всока, начиная отъ варваровъ до позовъ 1866 г. Теперь, эта долина будетъ мирнымъ путемъ между двумя народами, и хотя въ ней встрѣчилось много препятствій, но искусные инженеры преодолѣли ихъ. Ина Пресселя соединено съ этою дорогою, которая простирается на 125 километровъ и стоила относительно дешево, потому что на ней вѣтъ безполезныхъ громадныхъ построекъ, безъ которыхъ можно обойтись и которая только разоряютъ компаніи. Самый длинный изъ туннелей вѣбтъ не болѣе восьмисотъ метровъ, а подъ открытымъ небомъ дорога дѣлаетъ частыя изгибы и чтобъ избежать препятствій вѣлится по опраннымъ горъ, обходить пропасти. Для большаго удобства и наслажденія вездѣ двойные рельсы. Трудно поверить, чтобъ эта дорога обшлась въ пятьсотъ тысячъ франковъ километръ, особенно зная мѣстность и препятствія.



Франц-Иосифъ въ Елисейскомъ дворцѣ.

Нечего и говорить, что на этой дороге встречаются поминуте изворами, которые могут привести в восторг живописца. Швейцария уже слишком известна и пора туристам изучать живописную долину Бреннера.

По случаю траура при австрийском дворе, открытие этой дороги происходило без праздников; однако, на шель участвовали представители Франции, Италии и Германии. Франция привнесла участие в этом трудъ своими капиталами и работами. Французские инженеры строили ее, а Ротшильдъ содействовал своими деньгами ее окончанию.

Германия въ восторгъ отъ этой дороги, которая соединяетъ ее съ югомъ Европы. Она давно порывалась на югъ, въ страну, гдѣ цвѣтутъ апельсинныя и теперь желаніе ее исполнилось. Некогда вагоны переносили путьюкъ въ нѣсколько часовъ въ волшебную страну и жители съвера могутъ познакомиться съ чудесами древняго искусства, съ великолѣпными памятниками прошедшаго, о которыхъ зналъ только по книгамъ.

Бреннерская дорога поспособитъ распространителю науки и искусства и двинетъ человѣчество впередъ къ прогрессу. Въ торговомъ отношеніи она принесетъ много пользы, только не дай Богъ, чтобъ она послужила къ перевозкѣ войскъ для новой войны, хотя это было, можетъ быть, главная цѣль правительства при устройствѣ дороги.

Надобно удивляться быстротѣ, съ которою окончена эта гигантская работа. Три года назадъ, Бреннеръ былъ непреступенъ въ нѣкоторые времена года и только отчаянные туристы рѣшались посѣщать эту живописную долину, а теперь дождитъ съезжать по окрестнѣ горъ и пропасть, скрывается въ тѣни и снова вылетаетъ на свѣтъ. Глазъ путешественника едва можетъ слѣдить за мелькающими городами, за историческими мѣстами, гдѣ часто проливалась человѣческая кровь, гдѣ погубили тысячи людей, сами не зная за что.

Въ горахъ встрѣчаются водопады, обладающіе побѣды прохладною пылью, потомъ, на вершинѣ



Юганна Иммануэль-Вагнеръ.



Бреннерская желѣзная дорога у Носерштада.

появляется готическая башня, внизу красивая лесная опушка, пологивая на запад. Приближение к Италию замкнуло по роскоши растительности, по яркости зелени, по постройкам, из которых больше изящного, хоть и меньше доброты. Местность является горной, живописной — тоньше чаще. Станция одна другая красивее и каждая составляет отдельную превосходную картину. Художники, впрочем, воспользуются видами этой дороги, чтобы разнообразить свои пейзажи и на выездах как мы увидим, кроивъ въчных видов Швейцарии и Италию, станция Брегенерской дороги, которая не уступает никаким живописным странамъ въ мірѣ. Станция Шатц, Матрш, Шендлерш, Грисс, Шеллеберт и т. п. и т. д. могутъ привести въ восторгъ художника, но и чтобы взглянуть здѣсь общему виду на своихъ розкошнхъ. Археологи съдѣлали тутъ недавно очень важныя открытія, ботаники нашли новые виды растений, а историки тамъ больше всего работы, потому что каждый шагъ змѣнилъ какимъ-нибудь событіемъ, каждый камень напоминанію о рыцарскихъ замкахъ, о средневѣковъхъ укрѣпленіяхъ, которые исчезли, потому что прошло время феодальнаго войнъ, да, впрочемъ, скоро пройдетъ время и великой ривы, потому что человѣчеству должно дѣлаться умѣе. Оно должно до того, что преодолеваетъ все препятствія въ борьбѣ съ природою, строить прочныя дороги по мѣстностямъ, куда залетаютъ только орлы, пересыпавъ мосты черезъ пропасти и водопады, просверляя горы, отводя рѣки. Брегенерская дорога доказываетъ, что для человека нѣтъ ничего невозможнаго. Въ скоромъ времени оно склается любимымъ путемъ туристов, которые знаютъ нѣмцы въ Европу, но не знаютъ до сихъ поръ такого живописнаго уголка, какъ долина Брегенера.

Тонель черезъ гору Изель, близъ Инспрука на брегенерской желѣзной дорогѣ.

На югъ такъ изредка говорили въ нѣмцахъ, тутъ стремились въ ихъ извѣстнаго. Человѣкъ дѣлаго събера, привыкшій ко воздуху и въ печальной ода, увлекался золотыми, или синеватыми виноградными кустами, сочными персиками, сладкими ягодами, роскошнымъ растительнымъ царствомъ, развивающимся въ гесперидскихъ садахъ Италию. И теперь стремились въ Германію на югъ, но уже не въ тѣсной почтовой каретѣ, но на шумномъ и свистающъ паровозѣ. Сельская перепродажа между сѣверомъ и югомъ уже не существуетъ, ледяной гигантъ Брегенерской жѣлезной дороги, подобно сильной зеленевшейся змѣи, желѣзная дорога вьется вдоль тихихъ долинъ и темныхъ шахтъ въ тѣнломъ югѣ. Брегенерская жѣлезная дорога создана усилиями въ наукѣ и техническомъ искусствѣ и составляетъ великій памятникъ этого искусства. Понятна важность этой постройки въ техническомъ, военномъ и торговомъ отношеніяхъ; затруженіе, вѣтренныя при устройствахъ, отъ дождя въ пробѣлкахъ вѣхъ усилій труда и искусства. Надобно самому ее это видѣть, а въ этихъ цинкоциновыхъ работахъ, въ этихъ колоссальныхъ тоннеляхъ понять всю силу и всю гениальность гигантской работы.

И однако, она, подъ управленіемъ Эдгара и преемника его Томаса была окончена въ три года, и въ послѣдній часъ ея вола пробѣлать первый пробный паровозъ черезъ Брегенеръ. Самое открытіе дороги произошло 18-го августа, въ день рожденія австрийскаго императора. Вѣсто великаго праздника, общество брегенерской дороги родило общими 6,000 гульденовъ. Такъ вступила на обочью главы свѣтиadora средней поны Ауги, и только тогда народа, тѣснѣншая на станціяхъ, доказывали, съ какою нетерпѣливостъ всѣ пришло это важное вѣщеніе.

Въ вѣловнѣ 10-го часа раздался звонокъ и свистокъ, поѣздъ двинулся. Мы перѣехали черезъ долину прямо къ югу. Вскорѣ за нами бѣли Инспрука, и мы проѣхали восточнѣ Вальтера при водопадѣ Сильверъ; еще разъ приближались мы величавую долину Инны, и посреди шума и стукъ въ вѣлѣншій тоннель. Онъ простирается на 2,100-сотовъ, мы проѣхали его въ 2—3 минуты. Тамъ, внизу, гдѣ въ дикихъ скалахъ парствовалъ вѣлѣга исповѣдшъ Гайно и каждую ночь разорвалъ монастырскія работы, гдѣ на высотахъ Изель стояли въ 1809 году тирольскія крестьяне и поражали своихъ свѣлцовъ французскія штур-

мушья колонны, теперь мирно летѣтъ локомотивъ. Наконецъ, въ тоннелѣ разсѣявъ, мы перѣехали простѣную долину, но вдругъ опять сдѣлалась ночь, и тогда пробѣжалъ свѣлый мостъ, отходящій въ простѣномъ ландшафтѣ.

Направо, подъ нами, въ таинственной глубинѣ зарѣка горный потокъ, а по другую сторону отразился долина съ роскошными лугами и плодородными полями, окаймленными холмами. Надъ ними возвышались Серельс. Далѣе шла еще итальянская дорога, постоянно наивысшая по правую скату, тогда какъ стѣнованскій мостъ, гдѣ вѣлѣга была главная квартира Андреа Гоера, отдалена отъ Румбаха, вѣсто мы вступили въ стѣнованскую долину, бѣлѣе мы вступили въ Румбахъ. Но совѣлннъ, изъ вагоновъ нельзя взорвать міръ гасптерговъ. Мы продолжали путь вдоль Силла; дорога, несмотря на крутые подъемы, все еще поднимается вверхъ. Съ лѣвой стороны мало наслажденія для глазъ. Тутъ видна обожженная солнцемъ осыпанная степь, тутъ цѣлуются у самой дороги кустарники. Вообще мы совѣтуемъ садиться на правую сторону вагоновъ, видъ здѣсь чуденъ. По дорогѣ множество тоннелей (ихъ 16 до Матрш), изъ которыхъ Шарельсъ длиною въ 371 футъ. Обогнувъ крутой подъемъ, дорога повернула назадъ вѣлѣю, и мы вѣлѣхли въ дикую пустыню Шартада; передъ нами, какъ брильянтъ, бѣстѣлъ гасптеръ Вальзертала и мирная церковь съ колокольней съ краснымъ шпильемъ. Между тѣмъ, мы поднимались все выше и выше; новый тоннель перенесъ насъ на противоположный скатъ горы, такъ что можно вѣлѣть вторично то пространство, которое только что пробѣжали. За станціей тогда мысли заветы долина Обербергъ, потомъ Брегенерское озеро, на высотѣ 4,325 сотовъ надъ морскимъ уровнемъ. Здѣсь нѣмцы стали рассказывать о многихъ бѣвахъ, но теперь вѣсныя измѣнились. Тамъ, гдѣ прежде воевали рыцари, закопаные въ латы, теперь раздается свистъ локомотива и изъ оконъ вырываются раздѣлныя дамы.

Противъ станціи старый почтовый дворъ съ бѣлыми черепицами. Нѣлѣго было минеральныя источники, гдѣ много пить здорово, и здѣсь пунктъ водопада рѣка, впадающія въ Чорное море, въ Ариатическое. Сильнѣе течетъ въ Пль, а Эвакъ въ Эч. Здѣсь же раздѣленіе сѣвера съ югомъ. Ближайшая станція Шеллебертъ еще на высотѣ, но уже потомъ дорога быстро спускается къ Италию. Тутъ принимаются за торвалы, и мы направляемъ окончательно на Гасенвальдъ и въ долины Италию.

БЕРТА ПЛЮРЭРЕНЬ.

ИСТОРЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

IV.

Въ это время вонюлъ ледомъ и дождикомъ, что это-то спривнѣетъ г. абатъ.

— Что это за человѣкъ?

— Онъ французъ.

— Норманъ ли?

— Онъ изъ шнагъ.

— Маркиза, вскричалъ абатъ: — вѣрно этотъ человѣкъ нашолъ мое писмо и привнесъ его.

— Какъ же онъ нашолъ васъ?

— Я писалъ Раулю, что мы остановились у дельты.

— Стало быть, онъ читалъ писмо!

— Къ несчастію... Надобно объяснить съ тѣмъ незнакомцемъ... Попроси его снова.

— Не понимаю, проговорилъ Берта: — почему такъ безпокоитъ это потерянное писмо.

— Леденъ видъ человѣка лѣтъ сорока пяти, одѣтъ просто, только на его худощавъ шлѣкъ была красная кофара и на плечѣхъ тае бѣгутъ. Это былъ загорѣлый, сильный мужчина, съ черными быстрыми глазами, черными усами. Черты его выражали свѣлость, ривншность, самообладаніе. Онъ вонюлъ непринужденно и ловко, поклонился вѣлѣно маркизъ и въ изнеможеньи и посмотрѣлъ на нихъ, такъ прельстиво, что маркиза немного съсидѣлась съ сидѣльщиками:

— Берта, оставимъ г. абата...

Дѣвушка пошла вслѣдъ за тетеною, но незнакомецъ произвелъ почитательно:

— Я прошу васъ позвать дѣвнцѣ Плуэрель присутствовать при нашемъ разговорѣ.

— Развѣ вы знаете, кто мнѣ спросила маркиза съ удивленіемъ.

— Я вѣлѣю эту честь, отвѣчалъ незнакомецъ

съ странною улыбкою, продолжая смотрѣть на Берту, какъ бы читая въ ея чертахъ чистоту его сердца.

Дѣвушка не могла не замѣтить этихъ взглядовъ, которые сущили ее. Покрысавъ, какъ роза, она сказала тетѣ:

— Позовите мнѣ устунъ...

— Прошу васъ, перебилъ ее незнакомецъ: — не прислаивайте неуваженно моихъ нескромныхъ взглядовъ. Я стараюсь прочесть въ вашемъ сердцѣ и прочиталъ дѣлствительно, что вы бласгородны, невинны... и я составляю, что могу какою вамъ услугою.

— Мнѣ... услугою! проговорила удивленная дѣвушка: — и не понимаю васъ.

— Милостивый государь, возразила маркиза гордо: — вы пришли къ абату Буркарону, а не къ моему племянникъ.

— И притомъ, мы не знаемъ, кто вы? прибавилъ абатъ.

Незнакомецъ поклонился врончасно абату и отвѣчалъ:

— Позовите мнѣ прежде отвѣтнть дѣвнцѣ Плуэрель, которая желаетъ знать, какую я могу оказать вамъ услугу. Вотъ она: — это простой солдатъ — не жалте въ Англію.

Берта вздрогнула и съ удивленіемъ смотрѣла на госта, тогда какъ маркиза и абатъ смѣшались замѣтно и не могли найтись, что сказать.

— Почему вы совѣтуете мнѣ не вѣлѣть въ Англію? спросила дѣвушка съ возмущеніемъ.

— По чѣму причиняю. Первая...

— Позовите, перебилъ абатъ: — вы сдѣлали нескромность... вы прочитали писмо и неопали его...

— Писмо къ моему брату! вскричала Берта.

— Я сказалъ вамъ, возразилъ незнакомецъ абату: — что нѣтъ никакой нескромности прочесть расчитанное писмо, поданное на ушцѣхъ, и что я нашолъ его достаточно, чтобы посоветовать дѣвнцѣ Плуэрель не вѣлѣть въ Англію.

— Объясните, прошу васъ, говорила Берта, предчувствія что-то недоброе.

— Позовите, объяснитъ прежде мнѣ, бормоталъ абатъ: — Я авторъ писма, стало быть, знаю, что нашало. Это дельца, адресованная чрезвычайному посланнику короля Франціи при англійскомъ дворѣ... гдѣ дѣло идетъ о государственныхъ дѣлахъ, о тайнахъ, и подобная корреспонденція производится на широкимъ или усвоенными фразами, смыслъ которыхъ совсѣмъ не тотъ, какой понимаютъ другіе. Дѣло идетъ о важныхъ трактатахъ, а въ писмѣхъ говорить о молодой дѣвнцѣ, о любви.

— Да, это всегда такъ бывало, вскричала маркиза, въ восторгѣ отъ находности абата: — Дипломатамъ никогда не пишутъ прямо и просто; стало быть, и вы не могли ничего понять, хотя прочитали чужое писмо.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ просить извиненія за мое оупику, отвѣчалъ незнакомецъ съ насмѣшливымъ поклономъ. — Вѣстакъ, я желаю, чтобы дѣлца Плуэрель узнала содержание этого дипломатическаго посланія.

— Это совсѣмъ лишнее, перебила маркиза: — это не касается до моего племянника.

— Вы думаете! Да чего же абатъ пишетъ графу Плуэрель: «Мы надѣемся, что красота вашей сестры поразитъ короля Карла и онъ согласится...»

— Это, наконецъ, истерично, вскричала маркиза: — васъ попоручу забыть насъ отъ нашего присутствія.

— А прошу васъ остаться, проговорила Берта гордо, хотя терла въ ушахъ и страдала. — Я хочу знать, что было въ этомъ писмѣхъ.

— Тебѣ сказали, моя милая, что всѣ фразы писокзательна, загадочныя...

— Я хочу развѣлѣтъ эту загадку, настаивала дѣвушка: — я начинаю догадываться, припомните... Говорите, что вы прочитали, я никогда не забуду вашу услугу...

Маркиза и абатъ перелаялись съ отчаяніемъ и жаломъ, что будетъ. Незнакомецъ вынулъ изъ кармана писмо и развѣлѣтъ его:

— Я прошу васъ описаніе бури, извѣдствіе которой вы принуждены были остановиться въ Дельетѣ, началъ онъ: — переходу къ загадочнымъ фразамъ. «Вы находите, любезный Рауль, что вліяніе красавицы Кортуза на короля дѣлается слабѣе. Герцогина Пертумская, представленная Карлу II, заставляетъ его подвѣлѣтъ союзъ съ Франціею и объявить войну Нидерландамъ, а те-

перь милорд Арандтонъ истритуетъ въ посылку союзъ съ Неполемъ и представилъ вѣтреному королю какою-то Нелли Гивилъ, изъ этогого званія, но которую напашаеае въмѣстѣ съ Карломъ и ругаете какъ надуру, что очень нравится его величеству. Вы боитесь, что эта молодая шма-фа подорветъ союзъ Ф. ании и Англіи, лишивъ насъ нѣсколькихъ мильоновъ и придумали, что надобно найти средство поднять наше званіе. Вы помните, что сестра ваша Берта охотилась гордо, похвальною красотою и можетъ по-бѣдить Нелли Гивилъ. Мы съ маркизою обдумали это дѣло и убѣдены, что красота Берты произведетъ сильное впечатлѣніе на повелу Карла. Мы убѣдили вашу сестру, мой милый ученикъ, что вы болыи, и она вѣдетъ съ нами въ Англію. Мы были бы уже въ вѣкъ, еслибы эта проклятая буря не заставила насъ остановиться въ Голландіи, а въ Англію вы можете выдворить къ нашему призыву и представите ко двору маркизу де-Трамбе и ее племянница. Надежды наши сбоятся. Постоянный, злобныйчавый король придетъ въ восторгъ отъ красоты Берты, забудетъ герцогиню и Нелли, и союзъ съ Франціею будетъ упреженъ. Нидерланды будутъ раздѣлены войною и наше званіе будетъ приидано. Не забудьте, что вы, что нашу великую королю будетъ доведено, но награды и почести посылаеа на насъ. Вы знаете, какъ бысто возмизаса Виаозъ, съ тѣхъ поръ, какъ сестра его, маркиза Монтеспанъ, удавила любовью короля и шмаза счастье сделать его отцомъ. Вы можете, любезный Рауль, играть въ Англіи роль Виаоза, если сестра ваша сдѣлаеае англицкою Монтеспанъ и, впроемъ тогда, заслужитъ величїе великой короли, которая хочетъ, и то что бы не стаю, уничтожитъ эту маленькую дерзкую республику. Впрочемъ, здѣсь въ Гаагѣ есть нѣскольکو членовъ нашего ордеа, которыхъ стараеае вредить этимъ республиканцамъ...

Незнакомое остановился, прибавилъ: — Давно говорите о безумцахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ абатъ и итритыи которыхъ вы владетеи въ Голландіи. Вы хотите, чтобы они слезли молочно въ море, и потому вы хотите погубить противъ ихъ воли и рѣшаса сообразить вамъ объ этомъ заговорѣ. Вотъ зачѣмъ и пришелъ сюда. — Скажи мнѣ, что вы дѣлаеае послѣдоваю такое меланче. Маркиза и абатъ совершенно растерялись. Берта была поражена въ сердце, но слушала члене письма съ страшнымъ взглядомъ торжого удивленю. Она не думала о подвѣстѣ этого заговора, зная, что придворные продавае своихъ жонъ и дочерей, а братья пользовалеа развратомъ сестеръ. Но ее оскорбляю то, что ее старшій братъ и тетка были убѣждены въ томъ, что она могла согласиться на такую извѣсть, что она была провинница, даже съ восторгомъ займаетъ мѣсто притвицы Нелли Гивилъ. Вотъ почему она молчала и не могла найти слова выразитъ свое негодованіе.

Маркиза и абатъ, какъ люди опытные, оправдаса скоро отъ своего смущенія; но имъ было до-сладно, что чужой человекъ узналъ нечаяно имя семейнаго распоряженія и смѣлъ вырвать участіе къ дѣлушкѣ, которой назначалася такая высокая участь и которая не понимаетъ своего счастья. Берта, наконецъ, обратилася къ знакомому: — Благодарю васъ, что вы сочили меня несомно собовно къ покой, ишюкой роли, какую мнѣ назначили, и при васъ высказали мой милый маркизъ де-Трамбе.

Обратасъ къ теткѣ, она продолжала съ достоинствомъ: — Теперь я знаю, что готвина мнѣ любовь сына и моего брата. Не упроеаю васъ, потому что вы не дѣлаеае мнѣ, но объясню, что не по-тужу въ Англію и не буду жить съ нами въ Парижѣ, ни въ Версаи. Я отправляюсь въ Брестъ. Надѣюсь, что я шшо право жить въ землѣ моего отца. — Какъ ты горячиаса, племянница! Какъ отчаяно защищаеа свое добродѣтель, возражала тетка съ ироніею. — Твой братъ дуракъ, что твое названіе при англицкомъ дворѣ можетъ быть выгодно для насъ въ Франціи. Какое же тутъ твоё извѣстїе! Видишь отъ чего ты не хочешь отбѣгать на неспасительна короля или отвергнуть ихъ. — Вы слышите, что говоритъ моя тетка, сказала Берта незнакому. — И это языкъ всѣхъ придворныхъ, испорченныхъ инкозловольныхъ,

подостно, развратомъ нашего двора. Мое появленіе въ Лондонѣ могло быть выгодно для политики Франціи, то-естъ, мое безмечіе послужило бы для увеличенія гордости Людовика XIV, который не хочетъ допустить, чтобы возлхъ него сбѣла существовать республика, гдѣ люди счастливы и богаты. Это и называю политикою! Признаюсе, я понимаю мало государственна дѣла, но убѣдился, что не желаю отъ безмечїа; я душевно жалко притѣснелъ бы и понаужу притѣснелеа.

Говори это, дѣвушка была еще прекраснѣе отъ волненія и незнаеомое смотрѣла на нее съ восторгомъ.

— Я вамъ скоро припомню ваши слова о притѣсненныхъ и притѣснителяхъ, сказалъ онъ.

Берта хотѣла спроситъ, что это значить, но въ эту минуту въ комнату вошелъ Тильи, въ саломнѣйшей оловѣтѣ и увидя незнакому, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Сердизъ, мнѣ надобно съ вами поговорить.

И отведя его въ сторону, онъ началъ ему что-то шептатъ, завиваса сначала пердъ маркизою.

— Этого челока звуютъ Сердизъ, замѣтилъ абатъ маркизѣ. — Не забывайте этого имени, это нашъ врагъ.

— Да, да, да! Еслбы мы были во Франціи, этотъ дельцъ Сердизъ поашъ бы въ Бастилю и сгналъ тамъ.

— Да, но мы въ Голландіи и, впроемъ, не по-ладаемъ и въ Англію. Я шашу сегодня же въ Версае, и есаи этотъ Сердизъ только ступитъ на землю Франціи, то ему не одобравтъ.

Берта въ это время была въ тѣгостномъ раздуміи.

Сердизъ, выслушавъ хозяйна дома, вскричалъ: — Это невозможно! это чудовище!

— Однако, сомнѣваться уже нельзя, возразилъ Тильи: я и старостаю еше узнать подробности.

— А Іоаннъ Виттъ?

— Онъ не подозрѣваетъ злодѣяствъ, потому что убѣренъ въ невинности брата. Я тотчасъ иду къ нему, но прежде приказу каавери быть готовымъ на всякій случай, потому что предвѣду волненіе.

— Я иужусе съ вами у Іоанна Витта, которому долженъ представитъ моихъ соотечественниковъ, бротоцевъ. Я подожду васъ; можетъ быть, вы опрочеетеае извѣстїе...

И поклясаса нязю Бертѣ, онъ прибавилъ:

— Можетъ быть, мы не увидимся съ вами, но о солроно я васъ свое прїятное воспоминаніе.

Если же мы встрѣимся, то я вложу вамъ наши слова: сожалѣеи къ притѣсненнымъ, ненавистъ къ притѣснителямъ!

Потомъ, обративсяс къ абату, онъ прибавилъ:

— Вы, абатъ, можете быть убѣренъ, что я со-храню тайну вашей корреспонденціи, но только въ уваженіи къ дѣвицѣ Наузерн. Притомъ, ваши дипломатическіе предположенія могутъ быть для меня полезны. Я есая иду у де-Витта, прибавилъ онъ, козая и вышелъ.

— Какой прекрасный челокавъ, этотъ Сердизъ, сказала маркиза. — Любезный Тильи, скажите, кто онъ, откуда и что дѣлаеае?

— Онъ вѣрно французъ, подхватилъ абатъ. — Шая какою провинціи этотъ достойный челокавъ, въ какомъ городѣ...

Вашинте, перебравъ хозяйнѣ: — мнѣ ивогда сообщали имя свѣдѣнїи о Сердизѣ. Это мой другъ и его глубоко уважаю... Я долженъ сказать вамъ, что я пришелъ несприту въ вѣстѣ.

— Что случилось? Абатъ замѣтилъ волненіе въ народѣ.

— Въ Гаагѣ волнуютеа двѣ партіи; агенты принца Оранскаго возбуждаюа народъ противъ братьевъ де-Витта. Вы знаете также, что солдаты Людовика XIV прозвали въ Голландіи много злодѣйствъ, тогда какъ мы напашеа на союзъ съ Франціею. Нашу партію народъ называетъ французскою и обвиняетъ насъ въ несчастіяхъ страны. Братья де-Виттъ всегда поддерживали союзъ съ Людовикомъ XIV, который казался что не подумаетъ на насъ оружія за это ихъ теперь презлудуютъ. Вообще волненіе въ городѣ такое, что французамъ грозитъ опасность. Вотъ почему, я пропущу васъ выходить изъ дома, не показываясь; оиъъ, какой бы ни случилось ни случилось на площади. За разнуяреною чернь нельзя ругачеся. Мнѣ очень неприятно, что мое госпитрствовае такъ неудачно, но не я виновата во всѣхъ этихъ событіяхъ.

Абатъ бросился запертъ окна и балконы, а маркиза, слушавшаа хозяйна съ болыишми страхомъ, проговорила растерясаса:

— Что же будетъ съ нами? Развѣ мы виноваты, что наша чернь ненавидитъ нашего великаго короля!

— Проклятое цудошество, бормоталъ абатъ, гадѣвая и дрожа. — Какъ-то выберемъ мы отъ этихъ республиканцевъ, ерговцевъ. Впрочемъ, мы здѣсь болѣе покровительствомъ законовъ... Неужели жонщина и служитель алтаря могутъ быть оскорблены!

— Вы знаете сами, какъ Людовикъ XIV уважаетъ челокавскіе права и законы. Наши провинціи выжжены и разграблены, мирные жители перерѣзаны, служители церкви казнены, женщины и дѣвушка обещаны. Въ Гаагѣ получено много извѣстїи о нештоставахъ вашихъ солдатъ, а вы солбаете на уваженіе къ жонщинамъ и священникамъ. Впрочемъ, я не хочу упроеае васъ въ преступленіяа вашей арміи. Я самъ принадлежу къ французской партіи и не позволю такъ же опасно, какъ и выно. Я назначаю каавери и попробую употребитъ войско до нашего спасенія.

И поклясаса маркизѣ, онъ прибавилъ:

— Будьте убѣренъ, что я употреблю всѣ средства, чтобы васъ не потрвожили, но я могу самъ погубить въ этомъ столоненіи и тогда обвиню въ вашихъ несчастіяхъ — гордость Людовика XIV.

Берта смотрѣла повола на разстроенную тетку, на испуганнаго абата и проговорила иронически:

— Мы здѣсь не въ Версаи, гдѣ имѣютъ свой взглядъ на поступки великаго короля. Здѣсь его смѣютъ судить по справедливости и мы можемъ заплатитъ жизнью за то, что считаемся его вѣрноподданнми. А вы еше жертвовае моею кровью для позанія Людовика XIV. Благодарю Бога, что смертъ близка! Я рада, что скоро сплужитъ въ вашихъ несчастіяхъ — гордость Людовика XIV.

Маркиза и абатъ ничего не отвѣчали дѣвушкѣ.

Токаръ въ египетскомъ каравансерасѣ, на парижской выставкѣ.

Этого токаря зовутъ Шамъ-бен-Даудъ. Ему шестидесять лѣтъ. Его борода, брови и уши были, какъ шпиль. Его тѣло темнокоричневой цвѣта, взглядъ глубокой и доброй, улыбка наивнѣшая, голосъ прїятный. Одѣтъ въ толстый, красноватый кафтанъ, съ казаво на голыи и голыи ногами, онъ сидѣлъ на низенькомъ табуретѣ, и съ помощью самаго первобытнаго станка дѣлалъ изъ чорнаго дерева чубуки, корюбочка, портсигары, которые украсилъ янтаремъ, коралломъ и предлагалъ прохожимъ за полтора франка. Онъ говорилъ по-французски только эти два слова и еше: merci, когда ему давали деньги. Публика всегда собирася смотрѣть на его работу, которая производилася очень просто, и незнать, какой станокъ, состоящїи изъ двухъ деревянныхъ стѣнокъ, съ жонкою перекладкою, и наши токари вертеть колесо ногою, а египтянинъ водитъ шмелкомъ по цилиндрической перекладкѣ, и другою рукою направляетъ рѣзакъ, который придерживаетъ ногою и такимъ образомъ выдѣлываетъ очень искусно разныя украшения и узоры.

Онъ работае такъ скоро, что едва можетъ сдѣлать за шшъ. Основнїи какъ-нибудь вещь, старикъ мусульманскій улыбаеа, поглаживая бороду и перекладывая нѣсколькими словами съ солдана, абиссинца, самаго чорнаго дѣла, дѣлавшаго бѣлыя, фиалгановыя вѣлоа, и съ ебдѣльникомъ, вышивавшимъ золотомъ и серебромъ узоры и кожаные портмоне, которые разбавриваса Пюстелитана также быстро, какъ бездѣлаи стараго токаря, ушнѣваго, во время выставки, есотоитъ собои поодиночн каптаеа. А у насъ франкизы считаютъ жителей востока дѣвными, беззаботными! Еслбы у Шамъ-бен-Дауда была станокъ, со всѣми усовершенствованїями, то не было бы нѣскольکو удивительно, что онъ работае такъ скоро и искусно, но на какомъ-то дѣтскомъ станкѣ, надъ которымъ надобно согнуться и работать руками и ногами, это также даже и не для такого стараго челокава.

Сороконожка.

Эта порода насекомых представляет множество отдельных видов, известных под разными названиями; но в естественной истории называются они общим именем марианодов (тысяченок). Общие признаки этой породы состоят: во внешних суставах со множеством сегментов; в каждом из них отдельный нервный узел; и пара ног, ганглиозная система и легкое кишечного канала находится на средней линии; живота, отдельного от груди и т.д. крыльев тоже нет, у рта два щупальца; кишечный канал с двумя отверстиями, глаза едва заметны, обращение крови не совершенное, дыхание горловое, оплодотворение дружное. Органы урину и выделительные многочисленные и развиваются по мере развития прочих органов. Внутренние органы их одинаковы со всеми прочими суставчатыми животными, а именно: главные нервы на средней линии и под кишечным каналом; множество нервных узлов, соответствующих разным частям тела. Мозг сороконожек состоит из отдельных узлов и находится вдушищеперенных горлох. При процессе дыхания

родом: одна питается только растительною пищею, другая мясоядная.

Порода сколопендров (костягов) снабжена крючками у рта, которыми она захватывает свою пищу и посредством которых, производит рану в тело другого животного, вызывая в него язвную жидкость, производящую раздражение и отмирание, но, впрочем, вовсе не опасную для жизни больших животных.

Сороконожки, разрываемы пополам, долго еще живут и оба половинки двигаются. Отрубленная голова старается соединиться с хвостом. Если же отрезать хвост, то он идет назад, как бы улетая от головы; оба половинки живут до двух недель.

Сороконожки рождаются и плодятся во всех частях света, но больше всего на юге. В одной Австралии их еще не нашли.

На прилагаемых рисунках изображены две породы сороконожек. Рисунок 1 ий представляет обыкновенную желтую, во 1 дюйм величину, живущую в развалинах и под камнями, или в ямах. Второй рисунок представляет двоякую сороконожку, или костяк, которая водится в тропической Америке и бывает

как в России, впадающих в Черное и Каспийское моря. Она натуралиста очень любопытна, что эта порода не перелазит Рейна на запад и на юг за Альпы, а также почему ее редко собираются рыбаки, выходящих в Ледовитое море. При благоприятных обстоятельствах размножить рыбу, можно бы развести сомов, ведь, как Дитрих развел их в озерах Нижнего Эльзыса.

Сомь, по природе, очень дичив и остается на дне реки, поднимаясь вверх только во время бурь. Он очень прожорлив, и в прудах кормится хлебом и мясом, лягушками и пр. Мясо его вкусно и похоже на налима, или на угря, но не так жирно, как последние. Жирь сома служит для домашнего масла, а изъ пузыря его делают отличный клей.

В Индии много видов этой породы, но они отличаются от европейских тем, что имеют только четыре ребра усов. На островах Идъ есть порода только со двумя рядами. Наконец, в Идъ водится порода о восьми рядах, названная Жоеру silurus auritus.



Токать въ египетскомъ каравансераѣ.

подучать эти животные воздухъ въ натуральномъ его видѣ, то-естъ, дышать своими боками между кольцами. Система сосудовъ очень неполная, щиперный каналъ идетъ вдоль всего тела.

Система воспроизведения большею частью яичне родная, а иногда яйцекордная. Самка кладетъ множество яицъ блѣдно-зеленаго цвѣта и круглой формы; но въ породѣ сколопендровъ (костяговъ) животныя тотчасъ же вмѣстѣ съ яичками выходятъ живыми. У породы геолововъ яича делятъся двѣ недели и тогда раздвояются, и являются маленькія насекомыя, но только съ 6-ю ногами; черезъ 4 дня вырастаютъ у нихъ еще 4 пары, потому еще черезъ 4 дня выходятъ пупальныя; число коленъ постоянно увеличивается, и происходитъ первое сбрасываніе кожи. Она долго падаетъ и въ неволѣ; только въ необходимомъ большой запасъ пищи.

При рожденіи у нихъ совсемъ нѣтъ глазъ, и только по прошествіи сорококаждъ дней оказываются двѣ черныя точки, которыя потомъ развиваются. Ноги долго послѣ рожденія бываютъ неподвижны и оди щупальца дѣйствуютъ.

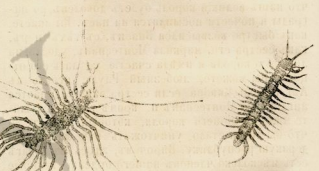
Образъ жизни сороконожекъ различенъ по во-

инюгда до 1-го фута. Впрочемъ, мы уже сказали, что укушеніе ихъ неопасно для человѣка и производитъ только временное воспаленіе и отмирание.

Сомъ.

Сомъ (silurus) причисляется къ семовой породѣ. Аристотель и Плиній описывали уже эту рыбу. Сомъ всегда бываетъ значительнаго величина; голова его плоская, грудь круглая, хвостъ скатъ; ротъ большой съ костью (усы) въ шесть рядовъ; глаза малые; спинная кость мало имѣетъ побочныхъ костей; двойная плазвательная перья очень малы. Цѣтъ кожи зеленоватъ съ желтыми пятнами, но заливаетъ отъ облитвемыхъ сомовъ мѣстностей.

Замѣчательно, что эта рыба не водится ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Испаніи, ни въ Италіи. За то она въ изобиліи въ Невшатльскомъ и Моратскомъ озерехъ, также ловится и въ Константиномъ, въ Рейнѣ, Нильѣ и Гарельскомъ озерахъ. Очень много сомовъ въ Эльбѣ, Шарѣ, Дунаѣ и Малой Азіи. Весною много ловятъ сомовъ въ Черномъ морѣ, куда они заходятъ изъ Босфора. Ихъ также много въ Ливаніи и во всѣхъ рѣ-



Желтая сороконожка.

Идоватая сороконожка.



Сомъ.



Окунь.

Окунь.

Окунь (perca) принадлежитъ къ агонерой породѣ рыбъ и раздѣляется на слѣдующіе виды:

Простой окунь (perca fluviatilis) имѣетъ въ среднемъ сжатое тѣло, служащееся къ голоду и къ хвосту; носъ у него тупой, хвостъ почти цилиндрической, челюсти ровныя, губы не мясистыя, а особенно верхнія; глаза почти на высотѣ аба и ближе къ носу, нежели къ жабрамъ, которыхъ разрѣзъ ясно обозначенъ. Боковая линия почти параллельна спинной. Кости его, въ числѣ 13—25-ти, крѣпки и остры; латавъ шесть ише, а 15-я всѣхъ короче. Второе плазвательное спинное перо, однако, третьяго короче первого, съ 13-ю костями; ахилля пера въ 8 костей, а среднія въ пять.

Цѣтъ окуни измѣняется, смотря по мѣстности. Въ свѣтлой, проточной водѣ съ песчанымъ дномъ, онъ бываетъ ярче. Основныя обыкновенно желтыя, золотистыя, или зеленоватыя; по бокамъ ярче, на брюхѣ почти бѣлыя. Спина темновозеленоватая, съ 5-ю полосами, терпящимися на бокахъ. Иногда этихъ полосъ бываетъ 6 и 8, а иногда нѣтъ вовсе. Нижняя часть головы темнѣе спи-

ны. Первое плавательное синнее перо сферо-идетовое, съ темными пятнами; второе желто-зеленое, названо желто-красное. Второе перо одна из красивѣйшихъ, прѣсноводныхъ рыбъ и водится въ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ всей Европы, и въ большой части Азии. Она никогда не бываетъ большой величины, и рѣдко доходитъ до трехъ четвертей аршина. Только въ Швеции и Ланландии бываютъ окуни больше полутора аршина. Мясо его очень вкусно, хотя въ немъ множество костей.

Замѣчательно, что ростъ его развивается по мѣрѣ обширности водома, въ которомъ онъ живетъ. Въ малыхъ прудахъ онъ сильно размножается, но никогда не вырастаетъ болѣе 6-ти вершковъ; въ просторнѣйшихъ рѣкахъ онъ увеличивается на нѣсколько дюймовъ, но въ большихъ рѣкахъ и озерахъ доходитъ до полуаршина и болѣе. Онъ очень жаденъ и бросается на всѣхъ,

а въ большихъ — вдвое. Величину эти зерна съ маковымъ.

Великия птицы болѣе всего употребляютъ окуней, но, сверхъ того, они одержимы бываютъ бѣглыми, при которыхъ, какъ у карповъ, пухнетъ голова и спина. Полагаютъ, что это отъ дурной пищи, или отъ мѣстной почвы, если въ ней много жемчужныхъ чешуекъ. По вкусу, окунь считается второю рыбкою послѣ форели.

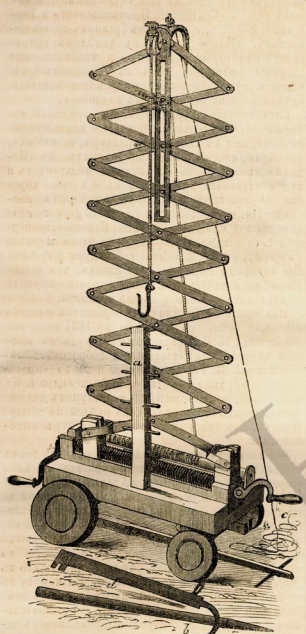
Итальянскій окунь (*perca italica*) похожъ на простого, только имѣетъ черныя полосы и голова его нѣсколько больше обыкновеннаго. Впрочемъ, въ Итали и во Франціи обѣ породы вмѣстѣ живутъ въ прудахъ.

Американскій окунь (*perca flavescens*) тоже не составляетъ особой породы, а только отдаленный видъ. Голова его нѣсколько продолговатѣе и носъ острѣе. Черное пятно на спинѣ шире, нежели у обыкновеннаго окуня. Впрочемъ, всѣ эти различ-

предыдущаго, но гораздо тоньше. Линія его почти не выдается впередъ; полосы ровнѣе; крышечка не такъ зубчатъ. Второе плавательное перо очень коротко. Основной цвѣтъ золотистый; нижня плавательная перья желтыя, а пятно на перѣ очень не велико. Ростомъ онъ не болѣе 4-хъ дюймовъ, водится въ озерахъ Нью-Йорка.

Перстатый окунь (*perca plumieri*) водится на Алятскихъ-островахъ. Овъ болѣе другихъ походитъ на простого окуня, только основной его цвѣтъ бѣловатый, съ четырьмя желтыми продольными полосами и восемью поперечными и черноватыми; первое синнее плавательное перо строю, прочія желтыя.

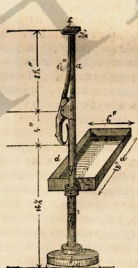
Волосатый окунь (*perca ciliata*) водится на островахъ Явъ и въ устройствѣ своему, совершенно походитъ на нашего; но цвѣтомъ отличается на синяя, а серебристыя на брѣхѣ, съ черными отливомъ второго плавательнаго пера. Замѣчатель-



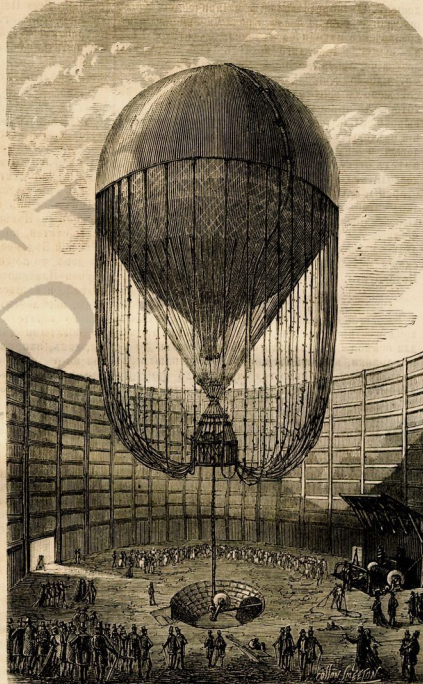
Спасительный пожарный аппаратъ.



Патентованный уличный фонарь Минера.



Свѣтцы.



Безопасный воздушный шаръ.

хто слабѣе его: черной, заглушекъ и маленькихъ рыбъ; притомъ, овъ плаваетъ тогда съ удивительною быстротою; часто овъ прыгаетъ между травами и тростниками, чтобы караулить добычу. Смысловъ окуня изумительна: онъ не бѣжитъ ни передъ кѣмъ и смѣло плаваетъ противъ всякаго: вотъ почему иногда купальщики хватаютъ его руками. На удочку овъ легко попадаетъ, если на крючкѣ живой червякъ. Онъ всегда плаываетъ отъ дѣлва, а никогда группами, во гдѣ пойманъ одного окуня, тамъ можно быть увѣреннымъ въ поимѣ нѣсколькихъ. Зимовъ удаляются они въ глубокия рѣки, а весною поднимаются до истоковъ; къ устью же рѣдко спускаются, потому что тамъ боится соленой воды.

По третьему году окунь способенъ къ воспроизводительности и мечетъ икру обыкновенно въ апрѣлѣ, смотря по теплотѣ весны. Въ это время мѣшочекъ съ икрою вѣситъ до 1/4 фунта, съ 280,000 зёрнами, въ окунахъ посредственной величины,

ча встрѣчаются и въ европейскихъ породахъ.

Зернистый окунь (*perca sergato-granulata*) водится въ Нью-Йоркѣ, толще обыкновеннаго, чернеетъ шире и полосы зернистыя. Зубчатая крышечка его толще, а чешуя гораздо мягче.

Окунь съ зернистою головою (*perca granulata*) водится тоже въ Нью-Йоркѣ и отличается отъ обыкновеннаго только зубчатою крышечкою; на черной его видны зернистыя полосы, чешуя совершенно почти гладкая.

Окунь остроносый (*perca acuta*) водится въ американскихъ озерахъ Онтарио. Онъ очень походитъ на предыдущаго, но носъ острѣе, а нижняя челюсть длиннѣе. Семь черныхъ полосъ, спускающихся до брѣха, имѣютъ въ промежуткахъ семь другихъ, неразрывныхъ и короткихъ полосъ. Первое синнее плавательное перо не имѣетъ чорнаго пятна; какъ оно, такъ и второе гораздо короче, нежели у обыкновеннаго окуня.

Тонкій окунь (*perca gracilis*)—тоже походитъ на

но, что у этой породы окуня чешуя покрыта маленькими волосками.

Чорнохвостый окунь (*perca marginata*) отыскавъ натуралистами въ Перу. Онъ меньше всѣхъ другихъ породъ, не больше 3-хъ вершковъ и отличается своимъ чорнымъ хвостомъ и стрыми плавательными перьями. Цвѣтъ гѣла серебристый и зеленноватый.

Окунь съ красными пятнами (*perca trutta*) походитъ на предыдущаго, только нижняя челюсть длиннѣе. Спина зеленноватая съ волнистыми полосами. Но поему гѣлу красновато-золотистый пятно на серебристомъ фонѣ. Въ Новой Зеланди называютъ его каваа; овъ очень вкусенъ, но нигдѣ въ другихъ мѣстахъ его не находятъ.

Спасительный пожарный аппаратъ. Когда здание обвѣшено пожаромъ, все спасение состоитъ въ дѣйствилахъ, которые можно приравнять къ стѣнамъ. Робертъ Брюкъ, въ Мейсе-

ны, представляя для этого удобный аппарат. Оны на колесах — и может посылить по воздуху на чью-то пожар. Оны представляют вид самоходной машины, показывающейся в вид рыхлота. Шахру находится на одной стороне крок *d*, а посредством упрямых канат с крок *c* служат для упрямления стовки к дому. Для снажения ставить корзину, в которой привязан аппарат а с рычагом *b*. Все это очень легко и удобно.

Патентованный уличный фонарь Минера.

Замечательно, что до сих пор chưa в обработке надлежащего внимания на способ освещения уличных фонарей, и на все остается, при старой и невыгодной форм устройства их в вид ящиков. Новозобретенный фонарь Минера, впрочем, подает повод к некоторому удивлению, потому что оня не только красив, но и дешев. Оны представляет металлическую крышу, допускающую всякого рода украшения, и в середине его находится газовая, с отверстием для выпуска нагретого воздуха. Она прикрепляется четырьмя тонкими железными подкосами. Стекло фонаря, выходящее вид колокола, снабжено на верхних концах шарнирами, на которых прикреплены свивляны. Эти края выкрашены яркою краскою для лучшего отражения световых лучей. Само стекло зашито от дождя и снега. Газовая трубка с горелкою имеет отверстие в нижней части стекла, чтобы дозволить сквозь него зажигание газа. С одной стороны, крыша фонаря снабжена шарниром, так, чтобы можно было снять его. Эти красивые фонари можно получить у Минера, в Берчестер. Не мешало бы нашей думе хоть поглядеть на эти фонари и сравнить их с шандорскими освещением, или впрямь, ограниченное Петербурга.

Ивнейский свецекъ.

Въ Германн, въ гористыхъ, покрытыхъ буркою мѣстностяхъ, употребляютъ этотъ свецъ и для освѣщенія. Для этого расквашиваютъ дерево на дранки, въ дюймъ ширины и пелютъ въ нихъ лучину въ длину тощины и 26 дюймовъ длины. Связавши десятками, идетъ эта лучина въ продажу, сотня обходится въ 4 копейки и тридцати штукъ ее достаетъ на вечеръ. Для упрямления лучины употребляютъ особаго рода, изображенный на рисункѣ свецекъ, отличающийся отъ русскаго устройства. Лучина вставлена въ щипцы *a*, упрямленная на подставка *b*; рычагъ *c* служитъ для протирыванія лучины въ щипцахъ *d*, если не надобно сильный свецъ, и въ *e* свецъ нуженъ болѣе яркій огонь. Чтобы огонь не вылился на похъ, привязана особая проволока *f*, съ загнутыми краями. Свѣдѣя этого гораздо совершеннѣе, чѣмъ употребляемый русскими крестьянами свецекъ, который былъ не разъ причиною пожара цѣлыхъ деревенъ, потому что огонь въ искроу упалъ, вмѣсто подставленнаго дощана съ водою, въ щель подъ похъ.

Воздушный шаръ на выставкѣ.

На Марсовомъ-возѣ собрано было съ, что можно себѣ вообразитъ; стадо бытъ, воздухоплаваніе не могло бытъ забыто, и инженеръ Илю-варъ, вмѣстѣ съ Юновъ, устроилъ для посѣтателей выставки занимательное и поучительное развлеченіе. Со стороны уащсы Сюфренъ встроены бытъ огромный шаръ, въ которомъ находится воздушный шаръ «Эммерль» съ несколькими другими и множествомъ дощекъ и корячекъ, уже совершившихъ нѣсколько воздушныхъ путешествій. Тутъ же можно было найтъ и принадлежность воздухоплаванія и бесчисленные бочки съ газомъ. Обширный резервуаръ вырытъ былъ въ одномъ углу сарая и наполненъ водою.

«Эммерль» менше «Вулкана» Надара, но находится не освѣтительнымъ газомъ, а чистымъ водородомъ, стадо бытъ, сила его влѣта значителнѣе. Оны прикрепляется къ землѣ канатомъ, трехсотъ метровъ длины и въсомъ въ девятьсотъ килограммъ. Шаръ стремится вверхъ съ величашною быстротою, но канатъ сдерживаетъ его, разрывавшись на бѣгахъ. Паровая машина въ пятидесять силъ и вращающа также канатъ, прочностъ котораго несомнѣна.

Въ верхній шаръ влетѣть, несмотря на тяжесть дождя и вѣсемъ пассажирамъ, поднялся съ необыкновенною быстротою. Въ верхъ было еще

до сотни мильгровъ газа. На высотѣ пятидесяти метровъ, сильный вѣтеръ разнулъ шаръ въ сторону, но машина удержала его и притянула снова къ землѣ. Была еще гроза, которая попортила немного шаръ, и молнія, притянутая желѣзомъ, котораго много въ этой постройкѣ, прервала порочное углубленіе въ землѣ, но, кромя испуга, не причинила никакого вреда.

Подъ шаромъ прорытъ былъ тунель, посредствомъ котораго можно наблюдать, какъ канатъ, держающій шаръ, вывертывается и разрывается. Все было обдумано, чтобы не могло произойти никакого несчастнаго случая и воздухоплаватели могли бытъ совершенно покойны. Сотни въ нихъ анализъ въ сарай и сѣдлали за всѣми подробностями наполненія газомъ шара, который поднимался всегда съ полнымъ количествомъ пассажирамъ.

Видъ сверху на выставку и окрестности удивительный. Весь Парижъ видѣтъ съ высоты, вдвое болѣеи, чѣмъ египетскія пирамиды. Всѣ можно достать себѣ удовольствіе побывать въ облакахъ и испытать впечатлѣнія воздушнаго путешествія, не опасаясь никакихъ несчастій, какія ста случаются съ шарями, невращиваемыми къ землѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Журналиста въ новомъ году. — Новая книга. — Беседа съ Г. Ларганъ. — Женщины докторы. — Клариса Гаро.

Съ новаго года появилось нѣсколько новыхъ изданій, но дѣятельностъ ихъ и особенностъ не успѣе еще высказаться въ такое короткое время. Въ Москвѣ явился ежедневная газета «Современныя Искривія», въ которой много хорошихъ статей, но попадаются и очень странныя. «Русскія Вѣдомости» также стаи выдти въ каждый день, но по содержанию слабѣе газеты г. Подорова-Платонова. Воскресныя «Русскія» г. Подорова, явившыя въ новомъ, болѣе оиратномъ видѣ, наполнены, болѣею частью, статьями своего издателя, часто странными по формѣ, но богатыми дѣльными мыслями и замѣчаниями, какъ, напримеръ, обытъ нынѣ, и какъ бытъ гаснакъ московско-го думы, расходовъ Москвы, или описаніе вымаргетъ, какимъ подвергается рѣчьего, въ годичномъ московско-го университетско-го праздника 12-го января. Конечно, тутъ же помѣщено и скучившее описаніе Геруладина и другой журнальной бѣзасты, но это доказываетъ только, что г. Подорова по журналисткѣ, хотя публикуетъ замѣчательныя. «Москвитякъ», отличающаеся бланжуркою, задорною ищитною фабричнымъ монополію, высокимъ тарифомъ и системою протекционизма, обогащающею только крупныхъ заводчиковъ, поощряющею застою и руганью въ мануфактурныхъ производствѣхъ, выдѣляющею въ действителнъ массу народа падать въ три-двое за отечественную работу. И не это въ тоже самое время, когда редакторъ «Москвы» распинался за этотъ же бѣдный народъ, твердя о любви къ нему чужъ не въ каждомъ номерѣ своей газеты. Но такія несообразительныя явленія не мало у г. Аксакова, весьма дароватаго, добросовѣстнаго публициста, отличающагося гражданскимъ мужествомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподнающагося передъ устарѣвшими теоріями съ энтузіазмомъ неопоры и вѣтеринарностью закореваемаго мистика. «Московскія Вѣдомости» мы не видимъ вовсе. Хотѣ оны сдѣлались значительно смирнѣе и скромнѣе въ послѣднее время и не кричатъ уже по поводу неправдоподобія въ дощиткахъ и снѣжкахъ, объявляющъ русскому народу, но система ихъ обвинительнаго процесса противъ каждаго лица и мнѣнія, неизменною возмезднаго стасія пользоваться одобрениемъ г. Каткова, остается все одно и та же и чтеви «Московскія Вѣдомости» едва дѣствуютъ на вечеръ, отчего людямъ, у которыхъ не совсѣмъ здоровъ этотъ органъ, необходимо воздерживаться отъ знакомства съ измѣнениями г. Каткова.

Изъ петербургскихъ изданій, кромя «Вѣстия», съ ея мажоритарно-феодално-юнкерскимъ направлениемъ, «Домашней Вѣстиды», конечно, и несчастнаго «Сынъ Отечества», редакция котораго, кажется, скоро совсѣмъ поселится въ вироушскій судъ, мы не видимъ никакихъ выдающихся или выисшихъ году отъ чтеви на одного органа периодической печати. Остается, правда, и между ними еще одно издательство, болѣе на скандаль и хитроумное за всѣми случаями, чтобы кричать о

своей благонамеренности и патриотизмѣ; но за окончательнымъ оставлениемъ журнальной арены г. Артюговскимъ и Юренчичемъ — атмосфера петербургской печати значительно поочистилась. Въ прѣздѣ, между нашими издателями или ея истинно-тенденціями, въ родѣ «Торговаго Сборника», гадающаго въ ту же сторону запретнаго тарифа, на славу и похвалу именьнаго кулеватина, или специально-скупична и безжалостнаго, въ родѣ «Судебнаго Вѣстника», то вовсе не сообщающаго о профессѣ, занимающаго общество, то печатающаго обѣихъ заповѣднѣи свѣдѣи.

Неофициальныя газеты явились, на первомъ ивѣстѣ, все таки, остаются «Голосъ». «Петербургскія Вѣдомости» начали съ новаго года являющуюся на сторону протекционизма; въ Бархатныхъ Вѣдомостяхъ съ прошлаго года гонится какой-то переводной романъ, невприсходящій, полагаемъ, ни мажоритарно-угодливости читателей. Изъ новыхъ газетъ «Содѣйствіе Промышленности и Торговли», кажется, тоже будетъ органомъ протекционистовъ. «Новое Время» съ успѣхомъ развиваетъ изборогата запущеннаго и мажоритарнаго стороны положенія дѣтъ въ Западно-ю-краѣ. «Петербургскія Искривія», съ перемѣною издателя, сдѣлались очень порядочнымъ издательемъ.

Сатирическія журналы наши страдаютъ, по-прежнему, бѣзастыюю создателями и поодолжкомъ разнообразіемъ въ типахъ карикатуръ, за что ихъ, впрочемъ, конечно, никто не обвинять. Въ «Нодѣ» явился очень остроумный съелстество и художественныя приложенія къ ней очень хороши. О толстыхъ журналахъ поговоримъ впоследствии, но не можемъ не сказать добраго слова о первой книгѣ «Вѣстника Европы», вышедшей 1-го января. Превращениемъ этого журнала въ ежедневныя, конечно, все бытъ должнымъ. Мы говоримъ еще два года назадъ, что только такое периодическое появленіе этого журнала приметъ сочувственіе нашей публики.

Въ книгѣ общее вниманіе обращаетъ на себя «Исторія обиды съ Турціей въ 1854 году, составленная Е. В. Волжанинскимъ, трудъ въ высшей степени замѣчательный и добросовѣстный, и романъ Л. Н. Толстого «Война и миръ» — прекрасная картина царствованія Александра I. Къ сожалѣнію, романъ, но цѣнѣ, недостаточна для недовольныхъ классовъ. Семь рублей за четырехъ томовъ, разогнанныхъ тома — чрезчуръ высокая цѣна.

— Беседа съ г. Ларганъ состояла изъ двухъ старыхъ пьесъ и одного новаго вольева. «Le Lion emporté» явился у насъ при Алланъ и Луизѣ Миллеръ, безъ успѣха, несмотря на то, что пьеса написана превосходно Леонимъ Голдманомъ, что представляетъ явирный очеркъ жизни стараго вольева, который провадилъ гражданскъ, трудъ въ старости и ошачиваетъ тѣмъ, что жонка не была кухаркѣ, которая ужьна прибрать его въ рукавъ и сдѣлается необходимымъ. На минутку въ немъ воскресаетъ прежній виверъ, когда къ нему незачину натронутъ прежніа друзья и пріятельницы, но молодой кухарка выпроваживаетъ незваныхъ гостей, бранить своего барина, пугаетъ, что броситъ его, и оны общается на ней женитьба. Дюномъ болѣе превосходный старій левъ, Стекла Колась привлекательная кухарка, доретка отличалась вольволюбивыми костюмами; но пьеса, вѣстакъ, не была успѣха, стадо бытъ, и возобновлять ея было не для чего.

«La Joie de la maison» возобновлено для того, чтобы бенефициантъ между случаетъ еще разъ доказать, что она превосходно ипретъ модернѣишхъ нравныхъ дѣятели. Ссылка на беззащитную мать и особенно бабушку. Узнавъ, что она теперь поссорилась съ матерью, когда она была еще маленькою, она хочетъ, во что бы то ни стадо, помирить ихъ, тѣмъ болѣе, что не было серьезной причины для ссоры и только характеръ старухъ выгналъ молодого мужа изъ дому. Дѣвушка выдумываетъ явля замужъ, чтобы обмануть отца съ матерью и умирить въ этомъ. Печально и говорить, что пьеса была разгнрана превосходно что рукоисексція и выказы прерывали не разъ хотѣ ея. Особенно г-жа Волжанинъ была недоволеннаю бабушкою, порочную и строгую къ другимъ, слабою къ своей любимой дочкѣ.

«La bonne aux samitans» очень юной пьесъ, въ которойю Деревяя вольволюбива, потому что разъ ста совершенно въ ея средствахъ. Одна изъ



— Понимают или не понимают на этом языке?



Дружеская партия.

parée du cerveau»; «Recherches d'anatomie transcendante»; «Vues sur l'indépendance de la formation des organes». Кроме того, он издал много жемуров». Поклония его работы были: «Principes d'embryologie de zoologie et de tératologie».

В Социальных-штатах умер незадолго перед тем, вышедши себя, врожденный пятнадцати лет, за мальца Пей. Он уверял, что правительственная реставрация само помогло ему бывать и его расстреляние и похороны были комедией. Как ни глупа эта сказка, однако, нашлись люди, которые ей поверили и считали старика действительно маршалами.

Пансионер, имѣющій библиотечку, музыкальную, самую полную для камерной музыки, и литературную, желает жить в обществах и литературныхъ, желающихъ досугу чтению. Онъ можетъ платить за квартиру со столомъ до 25 руб., но переехать съ своимъ имуществомъ въ сосновку только къ мѣстамъ, лежащимъ по Десню и Дибурю. Интересующіеся библиотечкой и, въ виду, 필요ностямъ, могутъ обратиться съ письмами въ г. Остеръ, Черниговской-губерніи, къ П. Ш. Гаврукевичу.

Русскимъ поданнымъ, имѣющимъ какія-либо тяжбы или дѣла или поручения въ Германіи и, особенно, въ Саксоніи, рекомендуется д-ръ правъ

Штегеръ,

САКСОНСКО-КОРОЛЕВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ ПОТЯРЪ СЪ.

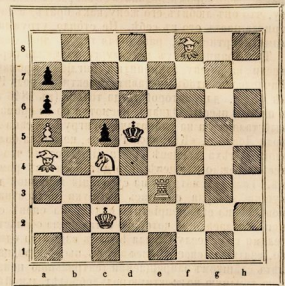
Адресовать: Dr. Steeger, Amalien-Strasse, № 4. in Bresden.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 2-й

Г. Васильева (изъ Семипалатинска).

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ 4-мъ ходомъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Воронежѣ, В. П. Я-су. Не можемъ помѣстить вашего труда.

Ред. «Морск. азм.» и Газ. «Вор. Листъ». Не можемъ исполнить вашего желанія.

Въ Волыну, П. А. Об-му. Такихъ стиховъ нигдѣ не печатаютъ.

Въ Ахманѣ, М. Л. П-су. Стихи не могутъ быть помѣщены.

Ред. газ. «Лакъ», «Жел. Доръ», «Атлр», «Техник. Сб.». Не можемъ исполнить вашего желанія.

Въ Курскѣ, И. П. С-ко. Ребусы ваши не могутъ быть помѣщены.

Въ Шамахѣ, з. П. Ч-су. Стихи ваши не могутъ быть помѣщены.

Въ Карачкѣ, В. П. С-му. №№ 48-й и 49-й посланы исторично. Если вамъ случается не получать отъ когонибудь письма — развѣ вы обвиняете въ этомъ послѣднюю писмью? Въдѣ и письма и газеты разсматриваются также почтою.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Любители цвѣтовъ и владѣльцы садовъ найдутъ у меня всѣ роды сѣмянъ и могутъ сдѣлать изъ нихъ выборъ по своему вкусу. Этими представляется имъ возможность убрать свои сады самыми роскошными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дешѣвѣйшимъ способомъ.



ВСѢ СОРТА СѢМЯНЪ И ЦВѢТОВЪ, извѣстные въ ботаническомъ отношеніи подъ латинскими названіями, могутъ быть обозначены на русскомъ языкѣ. Корреспонденція можно также вести по-русски.

I. Отличный выборъ, состоящій изъ 300 сортовъ цвѣтовъ, замѣчательныхъ какъ по отношенію къ блестящимъ краскамъ, такъ и къ ароматическому запаху, а именно: изъ 40 сортовъ цвѣтнхъ левковокъ, 40 астръ, 16 бальзаминъ, 16 рыцарскихъ шпоръ, 16 вьющихся растеній, 16 листовыхъ, 24-хъ сортовъ кустарныхъ растеній, распускающихся на воздухѣ, 12 сортовъ маэльъ и 120 различныхъ цвѣтнхъ растеній можно получить за 10 руб. сер.

II. Выборъ изъ 20 сортовъ цвѣтнхъ левковокъ, 20 астръ, 3 бальзаминъ, 8 рыцарскихъ шпоръ, 8 вьющихся растеній, 8 листовыхъ, 12 кустарныхъ, 6 маэльъ и 60 сортовъ различныхъ цвѣтнхъ растеній — за 3 руб. сер.

III. Выборъ изъ 10 сортовъ цвѣтнхъ левковокъ, 10 астръ, 6 бальзаминъ, 6 рыцарскихъ шпоръ, 4-хъ сортовъ вьющихся растеній, 4 листовыхъ, 6 кустарныхъ, 4-хъ сортовъ маэльъ и 30-ти сортовъ цвѣтнхъ растеній — за 2 руб. сер.

Почтеннѣйшей публикѣ, знакомой еще съ нашею фирмою, представляемъ слѣдующія удовольствія:

«Уже нѣсколько лѣтъ получаю я изъ садового заведенія натуральныхъ и искусственныхъ цвѣтовъ г. **Ф. К. Гейнemannъ, въ Эрфуртѣ**, разногд родъ цвѣтнхъ и огромныхъ сѣмянъ и охотно удостоиваю, что въ теченіе всего этого времени я былъ постоянно доволенъ присылками изъ этого заведенія. Всѣ сѣмена его не оставили ничего желать по отношенію къ ихъ добротѣ и чистотѣ.»

Почтою-то я могу сѣбно рекомендовать это заведеніе всѣмъ садоводамъ и любителямъ цвѣтовъ.

Замѣкъ Браншвигъ, 26-го Іюня 1866 г.

Германскій цвѣтъ Кокальеръ-Мускау.»

Извѣщеніе изъ декрета прусскаго министерства отъ 6-го декабря 1865 г.

«Почтою, я считаю справедливымъ назначить вамъ большую серебряную государственную медаль, за ваши

успѣхи въ садоводствѣ. Отличіе это возмнзается тѣмъ болѣе, что вы первымъ получили такую медаль...»

Браншвигъ, 6-го декабря 1865 г.

Манисъеръ земледѣльцъ фонъ-Зелковъ.»

Извѣщеніе изъ декрета саксонскаго великогерцогскаго министерства: «Его королевское высочество великій герцогъ саксонскій-вѣйсакскій и пр. принялъ милостиво рѣшеніе: сдѣлать **Ф. К. Гейнemannъ, въ Эрфуртѣ**, за его отличныя поставка натуральныхъ и искусственныхъ садовыхъ произведеній, пожаловать придворнымъ великогерцогскихъ саксонскихъ поставщикамъ. Веймаръ, 24-го января 1866 г.

Велкогерцогъ-саксонскій, государ. министерство, департаментъ великогерц. двора и иностр. дѣлъ. фонъ-Виттольдъ.»

Адресовать: **Ф. К. Гейнemannъ, въ Эрфуртѣ** (въ Пруссіи).

(F. C. Heinemann, in Erfurt).